

ЭКСПАНСИЯ



Роман  
**ЗЛОТНИКОВ**

[ СОБОР ]

Роман ЗЛОТНИКОВ

**Собор**

«Автор»

## **Злотников Р. В.**

Собор / Р. В. Злотников — «Автор»,

С языческих времен Перуново братство защищало Русь от врагов. Воины-долгожители, владеющие тайным славянским боевым искусством; волхвы, прозревающие будущее с помощью магических практик, – намеки на их существование есть в былинах, сказах и памятниках древнерусской письменности. Но поверить в то, что человек в смутные времена прагматиков и террористов способен обернуться волком или взлететь соколом, – невозможно. Вот и бывший детдомовец по кличке КЗ, а ныне честный бизнесмен сначала не поверил...

© Злотников Р. В.

© Автор

# Содержание

Книга первая	5
Часть I	5
1	5
2	8
3	9
4	11
5	13
6	16
7	18
Часть II	21
1	21
2	23
3	24
4	26
5	28
6	30
7	33
8	35
Часть III	38
1	38
2	40
3	42
4	44
5	46
6	48
7	50
8	52
9	55
10	57
Эпилог	59
Книга вторая	61
Часть I	61
1	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

# Роман Валерьевич Злотников

## Собор

### Книга первая

### Лики древних богов

#### Часть I

#### Взгляд Триглава

#### 1

КЗ сидел в закутке позади продуктовой кладовки за старинным дубовым столом и ел зеленые щи. Не те, столовские, заправленные половинкой переваренного яйца. А настоящие, домашние, в которые яичко бросается сырым и взбитым и аппетитно подергивает тонкой сеточкой белка поверхность щей. КЗ любил такую еду. И когда ему удавалось сделать остановку на лошадиных бегах, коими являлась его жизнь, никто не имел права его прерывать. Поэтому, когда тихонько открылась дверь и в комнату просунулась голова Сявы, КЗ сначала сердито нахмурился, но щи были чудо как хороши и их сотворил именно Сява, а потому КЗ вздохнул и отложил ложку:

– Ну, чего там?

Сява противно захихикал:

– Да какой-то лох с бородкой тебя спрашивает.

– Черт! Ты что, не мог подождать?

– Да он на колени бухнулся.

– Чего?!

– Естественно! Я ему говорю, ты, мол, занят сейчас, ну в смысле подождать, ну то есть...

Сява окончательно запутался и замолчал. КЗ усмехнулся. Уж кем-кем, а оратором Сява не был. КЗ знал его по армии. Там Сява был если не королем, то кем-то очень похожим. Когда КЗ призвался, Сява уже отслужил год, работал поваром и очень прилично умел из того «ничего», что шло в солдатский котел, сделать что-то удобоваримое. И поскольку КЗ со своим настырным детдомовским характером частенько проводил выходные дни на кухне, отрабатывая очередной наряд, Сява вдоволь поизмывался над «молодым». До тех пор, пока КЗ не заволок его в кладовку и не отметелил по старому методу сиротского дома, так чтобы не оставалось следов. С тех пор Сява притих и если и пытался пакостить, то по-мелкому. На что, после детдомовских университетов, КЗ было глубоко начхать.

После армии КЗ удачно раскрутился, организовав дешевую столовку, но с нормальной едой, без всяких там бигмаков и прочих гамбургеров. Тем более что к пище КЗ относился трепетно и халтуры не терпел. Народ идею оценил, и дело пошло. КЗ открыл еще одну и собирался открывать третью, но никак не мог подобрать толкового «шефа», вот тут-то и подвернулся прозябающий Сява. КЗ поморщился, представив перспективы общения, но сроки горели, а готовил Сява выше всяких похвал. Так что у новой столовой на Якиманке появился новоиспеченный глава. Впрочем, по большей части чисто номинальный.

КЗ вздохнул:

– Ладно, я уже поел. – И, поднявшись из-за стола, бросил: – Прибери, второго не буду.

Лох был действительно лох. По всем направлениям. Таких только в комедии снимать, в роли гнилого интеллигента. КЗ с трудом уловил, о чем речь, среди всяких там «извините», «с вашего позволения», «благодарю покорно» и прочей дребедени. Смешно. Как старшина к каждому нормальному слову матерное прицеплял, так этот свои завиточки. Только у старшины не в пример понятней выходило. КЗ почувствовал, что ни черта не понял, и поднял ладонь:

– Стоп.

Лох замолчал.

– Кто вам рекомендовал обратиться ко мне?

– Простите? – Дядечка вопросительно наклонился к нему.

КЗ мысленно выругался.

– Ну кто вам обо мне рассказал?(И дай бог ему в ближайшее время пребывать подальше отсюда.)

– О-о. Я прошу прощения, к моему великому сожалению, я не считал возможным...

– Тпру-у, – заорал КЗ. – Имя.

Дядечка запнулся и замолчал, потом прокашлялся и как-то с надрывом произнес:

– Сергеева Таточ... простите, Наталья Петровна.

– Кто? – не понял КЗ.

– Ну если я не оши... – Дядечка увидел, что КЗ багровеет, и исправился: – То есть она сказала, что вы знаете ее как Янтарную Натали.

– Так. – КЗ поднялся с диванчика. – Посидите тут, я сейчас.

Натали была дома, плескалась в ванной, причем, учитывая ее бешеную популярность в определенных кругах, как ни странно, одна.

– Привет, женщина, – поприветствовал ее КЗ. – Ну, колишь, что за лоха ты мне удружила.

– Ай, Ванечка, эти твои детдомовские манеры, – фыркнула Натали.

Любому другому или даже другой за подобную фразу КЗ пасть бы порвал, но Натали была своей, в одних стенах росли.

– Я серьезно, что за тип, откуда и что ему надо?

– Завлаб мой бывший. Ну когда тебя в армию забрали, меня пробирки мыть устроили. Дядька золото, но фуфлю фуфлом, любая сволочь на нем катается да еще и покрикивает.

– А я-то тут при чем?

– Трагедия у него, Ваня, дочка пропала.

– Ну так пусть в милицию идет или к этим, детективам частным.

– Не все так просто. Ей шестнадцать. Был какой-то конкурс, и она вошла в пятерку лучших, сказали, что финал будет где-то в Европе или Азии, в общем, за границей. Она уехала – и с концами. Они три месяца ждали, потом забеспокоились, пошли в милицию. А потом оказалось, что никакого конкурса вроде как и не было, фирмы-организатора в природе не существует и за границу она тоже не выезжала.

КЗ задумчиво пожевал губами:

– Если это то, о чем я думаю, то я в это не полез. Я тут от сраного рэкета еле отбиваюсь, а ты мне предлагаешь оч-чень крутым ребятам на мозоль наступить.

В трубке молчали.

– Ну, чего молчишь, русалка?

– Помоги ему, Ванечка.

– Ты понимаешь, о чем просишь?

– Все я понимаю, только если за всю доброту и безответность жизнь его так наградит и помощи он ни от кого не дождетя, значит, все вокруг подонки, и мы с тобой в том числе. Юродивый он, понимаешь? Не от мира сего. А на Руси исстари юродивых жалели.

– Да ты чего, старая? – ахнул КЗ. – Что твой поп чешешь.

Натали обиженно замолчала.

– Ну ладно, не дуйся, я пошуршу немного, но особо не рассчитывай.

– Спасибо, Ванечка, я знала, знала...

– Спокойно, воду расплескаешь, ну пока.

Когда КЗ вернулся в зал, дядечка сидел, сжавшись в уголке, и протирал очки. КЗ увидел его глаза и понял, что Натали права. У этого странного, неуклюжего человека были глаза святого. Из них так и струилась вселенская любовь, гармония и черт знает что еще. Впрочем, черт тут был явно ни при чем.

– Значит, так, я понял, какие у вас проблемы. Постараюсь разузнать поподробнее, чем вам помочь, но особо не обольщайтесь.

Дядечка вскочил:

– Большое спасибо! Если позволите, может, вам нужны деньги, так у меня вот. – И дядечка раскрыл «дипломат». – С вашего разрешения, я продал квартиру, и все деньги при...

КЗ хлопнул ладонью по крышке «дипломата». Ну дядечка, уму непостижимо, в переполненном обеденном зале заявить, что таскаешь при себе все деньги от продажи квартиры, – это действительно не от мира сего.

– ЭТО мы сейчас отвезем в одно место и положим далеко-далеко.

Дядечка непонимающе уставился на КЗ, опустился на стул и попытался возразить:

– Но, позвольте, ведь вам необходи...

– Значит, так, – КЗ чуть повысил голос, – либо вы все будете делать, как я говорю, либо... – КЗ красноречиво указал на дверь.

Дядечка опять вскочил:

– Да-да, конечно, покорнейше прошу меня извинить, но, к моему великому сожалению, я самонадеянно предположил...

КЗ мысленно застонал и вскинул ладони, защищаясь.

– Сейчас выходим, у меня во дворе стоит красный «БМВ», от меня не отставать, головой не крутить, и, ради бога, помолчите немного.

Дядечка смиренно засопел.

КЗ кивнул Сяве, прощаясь, и двинулся к запасному выходу. Через пять минут они уже катили в Орехово-Борисово, где в огромном, двадцатиподъездном, десятиэтажном, доме у КЗ была так называемая деловая квартира. Когда они сворачивали с Каширки, дядечка, всю дорогу смущенно поглядывавший на КЗ, неловко поерзал, кашлянул и, запинаясь, выдал почти нормальную фразу:

– Не позволите ли поинтересоваться, почему у вас такое странное прозвище?

– Какое? – невинно переспросил КЗ.

– Ну, э-э-э... с вашего позволения, Наталья Петровна, при всем моем глубоким к ней уважении, порекомендовала мне именовать вас при обращении как, прошу прощения, КЗ.

Закончив тираду, дядечка густо покраснел.

– А, это... – КЗ фыркнул. – Эта кликуха еще с детского дома. Я всегда был самый тщедушный, а у нас слабых давят. Так что когда меня тасовали по разным домам, то со мной всегда приключались странные истории. Ну, новичков всегда испытывают, а с меня начинать казалось легче всего. Но, как мне потом объяснили, у меня с психикой не в порядке. Если меня довести, я зверею. Когда мне было одиннадцать лет, меня один гаденыш попытался на понт взять, перо вытащил и сунул под нос, так, когда меня от него оторвали, это перо торчало у меня в брюшине, а у него было два перелома и сотрясение мозга. – КЗ повернулся, посмотрел на своего ошарашенного пассажира и, хмыкнув, закончил: – Да вы не бойтесь, я обычно спокойный. Меня ведь сначала Зверенышем прозвали. Но если меня не заводит, то я нормальный. А взрываюсь, только если сильно допекут. Ну, в общем, Короткое Замыкание, ясно?

Дядечка промолчал. Но когда они уже остановились и КЗ вырубил двигатель и открыл дверцу, ответил неожиданно кратко, без своих обычных выкрутасов:

– Ясно.

## 2

Весь день КЗ мотался по городу: в налоговую, на санэпидстанцию, потом заскочил на рынок с экспедитором выбрать продуктов. По пути между делом забежал в пару неприметных контор навести кое-какие справки, после чего часа полтора пребывал в паршивом настроении, а вечерком позвонил Сашке. С Сашкой он познакомился давно. Мама Таня, как они называли свою воспитательницу, дай бог ей здоровья и долголетия, после очередной скандальной драки убедила «индюка», которого райком перебросил с банно-прачечного комбината на укрепление народного образования, что необходимо научить мальчика контролировать свои создающие столько проблем наклонности. И привела Ивана в секцию к Петровичу. Сашка занимался там уже полгода, обладал бешеным самолюбием, а потому был первым номером по всем статьям. Он олицетворял все, чего не было у КЗ. У Сашки были любящие мать и отец, он учился в нормальной школе, имел красивую одежду, классную подружку, деньги на карманные расходы и был всеобщим любимцем. Неудивительно, что КЗ возненавидел его всей душой. В первой же схватке КЗ налетел на этого «слонявого» со всем своим пылом, но с удивлением обнаружил, что «маменькин сынок» не распустил нюни, а, упрямо набывчив голову, отбивает его остервенелые наскоки да еще и умудряется неслабо отвечать. Так что первый их бой закончился тем, что Петрович за шиворот отшвырнул КЗ в угол и мощной отеческой дланью вправил мозги.

За шесть лет ненависть между ними поутихла, уступив место молчаливому признанию. Потом КЗ забрали в армию, со своим КМС по самбо и разрядом по боксу он очень рассчитывал попасть в ВДВ, но то ли детдомовский штамп помешал, то ли роста не хватило, попал в ВВ. Потом он не жалел. Служба вышла не скучная. Помотало по стране, да и пороку понюхать пришлось. Ему предлагали остаться на прапора, и он было уже решился, но потянуло в Москву, захотелось быть поближе к маме Тане, Петровичу. Детдомовским мало достается человеческого тепла, но тех, кто их этим оделяет, они никогда не смогут забыть. Во всяком случае, КЗ так решил для себя.

Когда он в первый же вечер заглянул к Петровичу и наткнулся там на возмужавшего и повзрослевшего Сашку, то вдруг почувствовал, что вся вражда выдохлась. Он, неожиданно для себя, пригласил того «посидеть» вместе с ним и Петровичем после тренировки, «отметить» возвращение. И Сашка, как потом оказалось к его к собственному удивлению, согласился. Они тогда изрядно поднабрались. Сашка заканчивал юридический институт. Выиграл первенство Москвы по самбо. Женился. В общем, у него, как всегда, все было в порядке. После того вечера они сблизились. КЗ не стал другом семьи, однако встречались они хоть и не часто, но регулярно и, как ни странно, с удовольствием. А когда КЗ занялся бизнесом, то такие встречи стали еще и полезными, поскольку Сашка, окончив свой институт, попал в РУОП. Тому, что КЗ до сих пор не был ни под одной криминальной «крышей», он был во многом обязан Сашке.

Сашка снял трубку сам.

– Привет, семьянин, как жизнь?

– Бьет ключом, и большей частью по голове, – пробурчал приятель.

– Проблемы, проблемы, – поддакнул КЗ, – все их все равно не решишь, надо уметь отвлекаться, отдыхать, рыбалочка там, банька...

– Коньячки, девочки... ладно, кончай заливать, чего у тебя?

– Не торопи, Сашок, дельце есть одно, странненькое такое дельце, заскочи завтра перекусить, поболтаем.

– Понял, жди. Женя, отойди от плиты! – заорал он на дочку. – Жена, понимаешь, к соседке убежала, так что один кручусь, ну пока.

КЗ хмыкнул и бросил трубку. Поскольку ехать оттягиваться в клуб было уже поздно, то КЗ решил проведать маму Таню.

Уже с порога ее комнатки он увидел Натали. Мама Таня засуетилась, побежала на кухню ставить чайник, а КЗ, отложив в сторону торт, букет и корзинку с продуктами, без которых у мамы Тани не появлялся, подсел к столу.

– Приветик, Ванечка. – Натали погладила его по щеке. – Устал?

– Ну-ну, спасибо за заботу. – В его голосе сами собой прорвались раздраженные нотки.

– Зачем ты так? – обиделась Натали.

КЗ поспешно дал задний ход:

– А, прости, сорвалось, день был суматошный, да еще с твоим сюрпризом пришлось кое к кому заскакивать, просить помочь. А сейчас, сама знаешь, просто так ничего не делается, так что пришлось пообещать сделать кое-что, к чему душа не лежит.

– Я понимаю, Ванечка, – виновато вздохнула она.

– Эй, не бери в голову, ты права на все сто, твоему дядечке надо помочь. И если бы это было не так, я бы в эти дела влезать не стал.

Последнее было откровенным враньем, если бы Натали попросила, КЗ влез бы к черту в пасть.

В этот момент на пороге с закопченным чайником в руках возникла мама Таня. Замерла, увидев, как они сидят, потом, вздохнув, подошла, поставила чайник, присела и, поправив сухонькой ладошкой заколотые седенькие волосы, сказала:

– Что ж вы, детки, не поженитесь?

КЗ и Натали тоскливо переглянулись.

– Уж как помню, все время вместе-то. Чай, забыли, как я вам свою воспитательскую на ночь сдавала-то. Да и как из детдома выпустили, так вместе и жили-то. И сейчас, как ни встретитесь, словно голубки воркуете. Чего ж тянете-то, так ведь и помру, а малых деток не понянчу. То бы мне счастья-то было-то.

И она беззвучно заплакала. КЗ стало так муторно, он крякнул, тихонько поднялся и неуклюже обнял маму Таню. Та уцепилась за него сухонькими ручками и запричитала:

– Ой, да что это я, дура старая-то. Совсем гостей засмутила-то. Сейчас чайку попьем, с тортиком, вот и ладно-то. Спасибо, хоть старуху не забываете-то.

Они сидели, пили чай и болтали о всяком, было тепло и весело, только КЗ торта почти не ел, хотя взял свой любимый – «Прагу», поперек горла стояли слезы мамы Тани.

### 3

Сашка появился в заведении Сявы около двух. КЗ думал, что он уже не приедет. Но когда на левом, демонстративно заштрихованном углу стоянки притормозила знакомая старенькая «копейка», на столе мгновенно появились дымящиеся тарелки.

После обильного обеда Сашка откинулся на спинку стула и, сытно цыкнув зубом, сказал:

– Недаром Ольга меня к тебе ревнует, бывает, дома так не поешь, как у тебя.

– Стараемся, начальник, – довольно хмыкнул КЗ.

– Давно хотел тебя спросить, почему ты занимаешься вот этим? – Сашка обвел рукой обеденный зал.

– А что, бизнес как бизнес, какие проблемы?

– Да я не об этом. – Сашка досадливо поморщился. – Вот у тебя нормальная еда, народ сидит явно небогатый. Сейчас ведь с этих квадратных метров можно доход раз в десять больше иметь. Навешай китайских фонариков, свечи на столики, девочки попками трясут, жареные змеи, тушеные лягушки, и ведь найдутся люди, будут ходить и платить. А это... – Сашка кивнул. – Сколько ты с этой столовой имеешь? Копейки!

– А может, это только прикрытие, а я в подвале наркотики варю? – съехидничал КЗ.  
Сашка обиделся:

– Не хочешь говорить, не надо.

– А зачем тебе знать, Сашок?

– Да, в общем, незачем, но только ты меня все время удивляешь, я по тебе жизни учусь.

– Как это? – не понял КЗ.

– Да так, когда мы еще пацанами были, я тебя ненавидел.

– Взаимно, – усмехнулся КЗ.

– Да я знаю, – отмахнулся Сашка и, помолчав, продолжил: – Ты для меня был всем тем, чем я никогда бы не захотел стать: грязь, рвань, нищета, круглый сирота. Короче – падаль. Потом эта падаль оказалась сильной и упорной, с понятием о чести. Помнишь, на первенстве города у меня температура подскочила и ты со мной бороться отказался? Тебе тогда еще баранку засчитали, а ты на своем стоял: «Я с больным бороться не буду».

– Да брось, какая, к черту, честь. Я тебя тогда так ненавидел, что должен был тебя побить, вдрызг, навсегда, при всех. Чтоб после того поражения ты сбежал, исчез с глаз моих долой. И тут я узнаю, что ты заболел. Я тогда чуть не разревелся. Я был готов, я знал, что я тебя задавлю, а ты меня обманул.

– Но почему? Я же не ушел, я вышел на ковер, тебе же легче было бы со мной покончить, почему?

– Все равно это была бы не настоящая победа. Это было бы нечестно. А знаешь, как детдомовские поступают с теми, кто делает нечестно?

– Как?

– Бойкот.

Сашка насмешливо улынулся. КЗ покачал головой:

– Тебе не понять. У тебя были папа, мама, бабушка, одни друзья в школе, другие во дворе, третьи летом на даче, еще в секции у Петровича. А у меня никого. Знаешь, почему я от армии балдел? Думаешь, у меня не было дедов, дровчева и всякого такого? Просто там я впервые был как все. Не лучшим, не первым и при этом чужим, а такая серенькая мышка в общей массе. А служба – тьфу. Я привык жрать перловку, я же лучше ничего не видел, я привык носить одну одежду, вонять и мыться хозяйственным мылом. – КЗ протянул руку, взял стакан с соком, отхлебнул, поставил и продолжил: – Вот ты спросил, почему я занимаюсь этим, а не жареными змеями, а для меня это воплощение одной моей детской мечты. Ты вырос на бабушкиных пирожках и маминых отбивных, а я на перловке на комбижире. И вот это для меня – лучшая еда, которую я мог себе представить, и я могу жрать ее от пуза. А что касается денег, то да, ты прав, много я с этого не имею, но мне хватает, и, кроме того, здесь не бывает этих раскормленных рож, которые считают, что им все позволено. – КЗ скрипнул зубами, потом усмехнулся: – Да и денег только с одной мало, а у меня уже три, потом будет больше. И как ты думаешь, много ли в России любителей жареных змей? А ко мне пойдут, так что я – перспективный бизнесмен, учти.

– Вот я и говорю, – задумчиво кивнул Сашка, – что по тебе жизни учусь. В каком еще учебнике такое услышишь? Ладно, выкладывай свое дельце.

Когда КЗ закончил, Сашка покачал головой:

– А оно тебе надо?

КЗ вздохнул:

– Понимаешь, Сашок, это опять оттуда, из детства. Знаешь, в чем нельзя убедить ни одного детдомовского сосунка? В том, что он брошенный. Ты можешь приводить самые железные аргументы, убеждать и подлизываться – он тебе не поверит, только возненавидит. Потому что он точно знает, что где-то там, на просторах родной страны, сквозь вьюги и штормы идет его мама. Она просто еще не дошла, но она обязательно придет, нужно только потерпеть, и она

его найдет. И когда я увидел того мужичка, то понял, он из тех, о ком мы тогда мечтали. Тот, кто как раз идет через все эти штормы и вьюги, чтобы найти своего ребенка. Я просто не могу ему не помочь. Это значит предать всех тех сопляков, кто сейчас живет за теми казенными стенами.

Сашка помолчал.

– Ну и хамелеон ты, КЗ. С виду такой себе нормальный новый русский – на четыре Б: баксы, «БМВ», банька, бля... – Сашка слегка осекся и покосился на распаренную повариху, пробежавшую мимо, – в смысле девочки, а копнешь поглубже – настоящий динозавр. Просто так жить не можешь, во всем смысл хочешь отыскать. Чтоб душа спокойной была.

КЗ несколько смущенно хмыкнул:

– Здоровье берегу. Говорят, все болезни от нервов.

– Ладно, задание понял, звякни через недельку.

КЗ проводил Сашку до двери и прошел на кухню. Сява колдовал над котлом. Заметив КЗ, он спросил как бы между прочим:

– Кто это был?

КЗ был слишком взволнован сегодняшней встречей, поэтому не заметил странной настроенности Сявы.

– Так, один хороший человек.

– Все мы хорошие люди, – фыркнул Сява.

КЗ сморщился и, вздохнув, произнес:

– Ты не прав, Сява, хороших людей мало, божьих тварей много. И дай нам бог терпения жить с ними рядом.

## 4

Сашка позвонил сам через пять дней. Они договорились встретиться у Сявы. Вечером, в отдельной комнатухе. Перед тем как ехать к Сяве, КЗ заскочил в свое первое заведение на Текстильщики. Им теперь руководил Сергей Евгеньевич. «Кандидат биологических наук в отставке, убежденный холостяк и кухонный фанат!» – как он сам отрекомендовался при встрече. Сергей Евгеньевич был на месте. Точнее, Сергей Евгеньевич на месте свирепствовал. Он стоял посреди кухни перед всем наличным персоналом, понуро выстроившимся у плиты, а из-за его спины выглядывал какой-то очкарик. Видимо, недовольный клиент. Судя по его испуганной физиономии, он сам был не рад той каше, которую заварил. Сергей Евгеньевич к каждой жалобе клиента подходил как к личному оскорблению, и нередко после скрупулезного разбирательства следовали крутые оргвыводы. КЗ не вмешивался, он уже давно пришел к выводу, что если кто и может вести дела самостоятельно, то это Сергей Евгеньевич. В этой столовке КЗ давно уже появлялся только поесть, так сказать, на халяву замечательной куриной лапши, собственноручно приготовленной «высокомудрым и высокочтимым» заведующим.

– Ну те-с, – несколько сварливо возгласил заведующий, – так какие меры воздействия сочтет необходимым применить достойное собрание к нерадивому работнику?

Народ уже приметил КЗ и несколько оживился. Поэтому, дабы не смазывать воспитательный эффект, КЗ негромко кашлянул и выступил вперед. Сергей Евгеньевич нахмурился, он терпеть не мог, когда прерывали воспитательный процесс. Но руководство есть руководство. Пришлось закругляться.

– Прошу прощения, Иван Сергеевич, одна минута. – И он повернулся к клиенту: – Мы приносим вам свои извинения, вот, пожалуйста, – Сергей Евгеньевич протянул тому две желтые карточки, – талоны на два бесплатных обеда в нашем заведении, по вашему выбору первое, второе, третье, салат и десерт. – Он сверкнул глазами на Колюню, помощника повара. – За ВАШ счет, – и кивнул официантке Танечке, – обслужите клиента.

Все шустро разбежались. Сергей Евгеньевич королевским жестом пригласил КЗ к своему столу, который стоял тут же, и со все еще недовольным видом прошествовал вперед.

– Что же вы не предупредили, у нас сегодня лапши в меню нет.

– Да я обедать не буду, просто возникли кое-какие проблемы.

Сергей Евгеньевич удивленно вскинул брови:

– В моей сто... м-м-м... у нас? – Он очень ревниво относился к заведению.

– Нет-нет, не беспокойтесь, – КЗ еле сдержал улыбку, – проблемы, в общем-то, личного плана, только вот сколько времени займет их решение, я предсказывать не берусь, кроме того, возможно, придется ненадолго отъехать.

– Мне кажется, – немного обиженно начал Сергей Евгеньевич, – я до сих пор не давал повода сомневаться в своей честности и компетентности, но если...

– Сергей Евгеньевич, может, вы все-таки соизволите дослушать, а потом сделаете выводы, – елейным тоном проговорил КЗ.

Заведующий бросил на него недоуменный взгляд, потом расхохотался:

– Прошу прощения, запал еще не прошел.

КЗ открыл шикарный портфель крокодиловой кожи с бронзовыми замочками, покрытыми густой многолетней патиной. Он не любил современные кейсы, а портфель был еще одной детской мечтой. Такой же был у «индюка». Пацанам он казался символом власти и значимости, только благодаря которому пустой и малограмотный человек получил возможность распоряжаться их судьбами.

– Вот, ознакомьтесь. – КЗ протянул бумаги.

Сергей Евгеньевич углубился в изучение, но, прочитав первую, удивленно вскинул глаза:

– Но ведь это...

– Совершенно верно, теперь вы не только второе лицо во всей сети наших заведений, но и, по существу, совладелец. – КЗ выудил из кипы еще одну бумаженцию. – Вот доверенность на право распоряжения собственностью.

Сергей Евгеньевич некоторое время переваривал информацию.

– Я чувствую, это действительно серьезные проблемы, Иван Сергеевич. Вы не можете перепоручить их решение официальным органам?

КЗ покачал головой.

– У меня не очень хорошее предчувствие, Иван Сергеевич.

– У меня тоже. Потому я и счел необходимым предпринять подобные меры предосторожности. Мы делаем хорошее дело, и не хотелось бы, чтобы в случае моего непредвиденного отсутствия все рухнуло.

Сергей Евгеньевич с минуту помолчал, потом решительно кивнул:

– Что ж, значит, так тому и быть. – Он вопросительно посмотрел на КЗ: – А остальные как, в курсе?

– Пока нет, но с Вадимом, я думаю, проблем не возникнет, а у Сявы я сегодня обедаю, так что предупрежу.

Сергей Евгеньевич, пожевав губами, сказал:

– Прошу прощения, что ввязываюсь не в свое дело, но... Нехороший он человек, Иван Сергеевич, непорядочный.

– Теперь это и ваше дело, Сергей Евгеньевич, и, в общем-то, вы правы, но у меня слабость к людям, которые повстречались мне в жизни. Пока к нему особых претензий нет, да и заменить его некем, так что потерпим. А насчет непорядочности, я ведь недаром от вашей лапши отказываюсь скрепя сердце. Все время у него торчу, от греха.

– Ну что ж, желаю удачи. – Сергей Евгеньевич вслед за КЗ поднялся из-за стола и проводил его до дверей. – Спасибо, так сказать, за доверие, – несколько смущенно начал он, – и... поберегитесь. На свете не так много хороших людей, я ведь когда к вам работать пришел,

себя презирал, потому и в повара пошел, с этаким мазохизмом, чтоб больнее было: ученый, кандидат наук у жирного, зарвавшегося хама в услужении. А вы вон каким оказались.

КЗ помолчал, а потом тихо спросил:

– Ну и каким?

– Не знаю, так просто не объяснишь, вроде как в старину славяне князя зазывали, такого, что и дом срубить поможет, и поле вспахать, а как беда или напасть придет, то меч возьмет, и, пока жив будет, ни один враг на пороге не появится.

– Ну прямо богатырь былинный, – улыбнулся КЗ.

– Так и есть, Иван Сергеевич, – серьезно сказал Сергей Евгеньевич и добавил: – Берегите себя, нам без вас туго придется.

Уже подъезжая к Сявиному заведению, КЗ вдруг ясно почувствовал, что его старая, хоть и суматошная, но знакомая и где-то даже уютная, как разношенные тапки, жизнь кончилась. А впереди смутно маячило что-то странное, пугающее и с высоты его сегодняшнего опыта непонятное, но – не конец, совсем не конец, скорее все-таки начало.

## 5

Сашка уже ждал. КЗ заметил его служебный «жигуленок» на платной стоянке напротив заведения. Он припарковал свой «БМВ» рядом с крутым джипом «тойота» и, уже закрывая дверь, услышал грубый голос:

– Ну ты, урод, а ну отгони свою развалюху!

КЗ сразу даже не понял, что это обращаются к нему. Несмотря на свой преклонный возраст, его «бээмвешка» смотрелась очень неплохо, возраст выдавал только несколько устаревший, по европейским меркам, дизайн.

– Я те че сказал? – взревел голос за спиной.

КЗ развернулся. Перед ним стоял «крутой». Ну прямо кинотипаж. Все при нем: стриженный затылок, черная кожа, золотая цепь, «Адидас» с пузырями на коленях.

– Простите, это вы мне? – КЗ вдруг пришло на ум закосить под того дядечку.

– Да, тебе, урод, тебе! Вали отсюда, пока не навешали.

«Если бы он еще прибавил „в натуре“, можно было бы без подготовки в кино снимать», – подумал КЗ.

– Но почему, простите? – деланно изумился он. – Я же вам не мешаю.

– Ты еще базарить? – Крутой прямо отъехал от удовольствия. – Я ж тебя... – И он попытался воплотить в жизнь свои намерения.

Крутой был сантиметров на десять выше и килограммов на двадцать пять тяжелее КЗ. При прочих равных условиях такие параметры, умноженные на наглость и тупую жестокость, давали ему подавляющее превосходство. Но все дело в том, что КЗ был боец, а крутой – «мясо», качок. Через минуту КЗ даже стало его немного жалко: столько усилий при нулевом результате. Парень явно никогда не боролся, когда он попытался пнуть КЗ в пах, это стало окончательно ясно. В пах бьют либо вот такие тупые качки, либо бывшие спецназовцы. Для спортсмена такой удар неестествен. «Ну ладно, – подумал КЗ, – делу – время, потехе – час, пора кончать развлекаться, Сашка ждет». Он подсел под очередной неуклюжий крюк и поймал крутого на кулак на выдохе. Тот изумленно сказал «хек» и присел передохнуть прямо в изрядно замазученную лужу.

– Что с вами? – изумился КЗ. – Плохо стало? Ну ничего, сейчас пройдет, посидите, отдохните.

– Я... тебя... козла... щас... ты... – с трудом втягивая воздух, забормотал крутой, но вдруг сзади раздался тихий, но уверенный голос:

– Нет.

КЗ обернулся.

В пяти шагах у него за спиной стояли двое, и надо было быть абсолютно слепым, чтобы не увидеть, что они из другой категории. Один был одет в недорогой, но приличный пакистанский костюм, но, видимо, более естественно смотрелся бы в боевом гриме и маскхалате. От второго прямо несло деньгами и властью. Причем **ОЧЕНЬ** большими деньгами и **НАСТОЯЩЕЙ** властью, властью казнить и миловать, а не взятки сшибать в чиновничьем кабинете.

– Мы просим прощения за то, что наш знакомый доставил вам некоторые неудобства, и готовы возместить моральный ущерб в любой выбранной вами форме.

– Не стоит беспокоиться, достаточно простого извинения.

– Тогда позвольте откланяться. – И «власть и деньги» неторопливо повернулся и последовал в соседний с Сявиным заведением подъезд, где не так давно располагался продовольственный магазин, а сейчас затеяли какой-то грандиозный ремонт. Другой (КЗ окрестил его «акула», он был весь жилистый, с рыбьими глазами и полным ртом мелких острых зубов) задержался и резанул крутого холодным, равнодушным взглядом. Тот вскинулся, забормотал:

– Я это... прощения просим... я тут вовсе...

«Акула», не дослушав, повернулся и быстрым, пружинистым шагом двинул за хозяином. КЗ проводил его взглядом и, жестом прервав бормотание крутого, бросил:

– Ладно, вали.

Уже взявшись за ручку двери, он вдруг замер, застигнутый ощущением, что все было подстроено. Кто-то зачем-то проверял его. И на него еще раз пахнуло ощущением некой опасности, чего-то страшного, смертоносного, что уже где-то рядом.

Сашка уже пообедал. Видно было, что он недоволен задержкой, но после сытной трапезы сердиться настроения не было, поэтому он только лениво полюбопытствовал:

– Чего задержался?

КЗ подвинул к себе дымящуюся тарелку с зелеными щами и, прихлебывая, ответил:

– Так, ерунда, заехал к Сергею Евгеньевичу, а потом какой-то придурок на стоянке привязался.

Сашка моментально насторожился:

– Что еще за придурок?

КЗ, тщательно пережевывая, подумал, не сказать ли Сашке о своих ощущениях, но потом чего-то застыдился: «Тоже мне, баба, чудится чего ни попадя».

– Да чепуха, одному уроду не понравилось, куда я машину поставил. По морде получил и отвязался.

Сашка покачал головой:

– Что-то ты недоговариваешь.

– Ну чего привязался, дай пожрать спокойно, я же тебе не мешал.

Когда КЗ закончил с обедом и, сытно отдуваясь, откинулся на стуле, Сашка доцедил второй стакан отличного клюквенного киселя и ехидно поинтересовался:

– Ну что, брюхо набил, готов слушать?

– Давай, – лениво махнул рукой КЗ. – О, я несчастный, после такого обеда надо баиньки, а я вынужден заниматься делами.

– Потерпишь, – добродушно буркнул Сашка, – твои дела – не мои, никто не навязывал, так что молчи и слушай. Конкурс красоты проводила фирма «REVLON» ...

– Что? – удивился КЗ. – Та самая...

– Если будешь перебивать, придется тебе меня еще и ужином кормить.

– Тебя я понял, замолкаю, а то по шее получу и подвиг свой не совершу.

– Так-то, короче, фирма «REVLON busyness contact», причем слово «REVLON» набрано крупно, а остальные так, маленькими буквами. Фирма просуществовала три месяца, провела конкурс и закрылась. В учредителях мертвые души, причем в прямом смысле.

– Как это? – не понял КЗ.

– Просто, – хмыкнул Сашка. – Какие у тебя ассоциации с фамилиями Раду, Лупу, Георгиос?

– Ну, Молдавия, Греция.

– Почти угадал, только не Молдавия, а Приднестровье, не Греция, а Абхазия. И по их учетам эти люди давно уже мертвы. Единственный живой на момент создания и деятельности предприятия – генеральный директор Мокин Валерий Ильич, ныне покойный. Умер два месяца назад от рака. На день регистрации врачи давали ему не больше месяца. Протянул больше. В наследство детям оставил две трехкомнатные квартиры, купленные за месяц до кончины. Перед этим шесть лет бедствовал на мизерную пенсию. По утверждению близких – приработков не имел. Жил с женой, старшим сыном, невесткой и двумя внуками в двухкомнатной «хрущобе». Как тебе начало?

– Впечатляет.

– Слушай дальше, я порылся в картотеке, попросил помочь ребят с Петровки и Калужской площади и выяснил, что существовало еще с десяток фирм подобного типа, всякие там «CHRISTIAN DIOR international», «SANS SOUCIS development» с учредителями, ныне почившими. Когда все эти интересные вещи нарисовались, я понял, что дела перешли грань личного интереса, и с папочкой, куда положил все эти интересные фактики, двинул к шефу. Шеф сначала был несколько раздражен тем, что я вместо работы «развлекаюсь», однако фактики были куда как интересны. Короче, он подключил еще ребят, шестеренки закрутились, буквально на следующий день мы зацепили одну фирму – «Beautiful present», в паре случаев она помогала осуществлять отбор, кстати, в твоем случае тоже. Начали ее аккуратненько прощупывать и... – Сашка сделал драматическую паузу, – стена.

– Как это?

– Просто. – Сашка скрипнул зубами. – Шеф вызвал меня вчера, сам был мрачнее тучи, наорал, сказал, что, если еще раз заметит в побочных приработках, выгонит с треском. К обеду был готов приказ, в котором мне впаяли неполное служебное.

– Круто, – пробормотал КЗ.

– Вечером он все объяснил.

– То есть? – не понял КЗ.

– Детектив, – хмыкнул Сашка. – Поймал в темном переулке, затащил в машину, там и разговаривали, пока по Москве колесили. – Сашка сделал паузу. – Оставь эту затею, КЗ, она ведет в такие сферы... Шеф сказал, что, если мы по этому делу зададим хотя бы один вопрос, завтра у нас будет не только новый шеф, но и новый начальник управления.

Они подавленно помолчали.

– Ерунда какая-то, – вскинулся КЗ, – максимум, что тут может быть, – это проституция. Ну, может, пришили какую телку несговорчивую, какие тут высшие сферы?

– Кто его знает? – покачал головой Сашка.

– Ладно, – КЗ махнул рукой, – я не вы, мне эта шайка ни к чему, мне бабу надо найти, и все. Ее папаша даже на выкуп согласится, и, чтобы все шито-крыто осталось, дай мне адресок этой фирмы, что отбором занималась.

– Слушай, КЗ, ты что, не понял? Я тебе русским языком говорю – все, конец.

– Понял, не волнуйся.

Сашка просверлил его злыми глазами:

– Дурак чертов, ладно, запоминай.

Когда Сашка ушел, КЗ некоторое время сидел один, осмысливая новое положение дел, потом позвал Сяву:

– Слушай, пижон, что за крутизна тут рядом помещение ремонтирует?

Сява почему-то воровато отвел глаза и забубнил:

– Не знаю, почем мне знать, че, я всех вокруг знать должен?

– Ох, темнишь, пижон, смотри, разберусь со своими делами, займусь твоими делишками.

Вали.

Когда за Сявой закрылась дверь, КЗ тяжело вздохнул и выругался:

– Ну его на... Я же не самоубийца. – Но все было напрасно, он вдруг ясно почувствовал, что никуда ему не деться. Та встреча с дядечкой была предопределена, и все, что за ней уже последовало и еще последует, – неизбежно. – Ну что ж, поехали посмотрим на этот «Великолепный подарок», и «Да здравствует Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя».

## 6

Фирма располагалась на окраине, в капитально отремонтированном старинном особнячке с небольшим парком вокруг. У электрифицированных ворот топтался охранник, причем не в набившем уже оскомину стандартном камуфляже, а в какой-то навороченной форме и синей фуражке с роскошной кокардой. Окинув КЗ профессиональным взглядом, он жестом приказал открыть стекло:

– Вам назначено?

КЗ задумался. На взгляд старого «вэвэшника», система охраны у них отлажена, поэтому лучше не врать.

– Нет.

– Тогда прошу вас заехать с противоположной стороны здания. Там будет вход в приемную. Изложите ваши просьбы или предложения, и, если они заслуживают внимания, вам назначат.

– А если дело безотлагательное?

Охранник окинул его насмешливым взглядом:

– Если оно действительно окажется таким, вам немедленно выпишут пропуск. – И, изобразив двумя пальцами что-то вроде «честь имею», удалился.

КЗ был озадачен. Он собирался посетить некую контору по отлаиванию смазливых дур и неразборчивых жриц современного промискуитета с соответствующим антуражем, а тут...

Приемная соответствовала внешнему облику. Классическая мебель, темная обивка, строгий рисунок обоев. За столом сидел мужчина средних лет, что еще больше разбивало представление КЗ о подобных конторах. Увидя КЗ, мужчина поднялся ему навстречу. На лице расплылась добродушная улыбка, и весь он был такой добропорядочный, респектабельный, что КЗ даже смутился.

– Добрый день, чем я могу вам помочь?

– Здравствуйте. – КЗ замолчал, не зная, как перейти к делу. Мужчина был весь воплощенное внимание. – Я бы хотел встретиться с руководителем вашей фирмы. Это возможно?

– О, несомненно, но вы ведь знаете, начальство все время занято, может быть, если вы изложите ваш вопрос, мы сможем решить его более оперативно. – Мужчина вновь предупредительно улыбнулся. – Ведь я зачем-то здесь сижу?

КЗ кивнул. Опасения рассеивались. Он бывал в конторах у крутых ребят, по-настоящему крутых, не таких, как тот дебил на автостоянке, в пару из них он заехал перед тем, как впутать в это дело Сашку, рассудив, что информацию лучше получать с двух сторон. Там обещали помочь, но до сих пор толку не было. А когда он перед поездкой сюда звякнул им еще раз, в

одной конторе заорали, что он их достал, а в другой кратко ответили: «Забудь». Но, похоже, то, что напугало и крутых, и Сашкину контору, находилось не здесь.

– Дело в том, что меня интересует деятельность вашей фирмы по отбору претенденток на конкурсы красоты.

Отношение мужчины неуловимо изменилось.

– Вы хотите провести конкурс красоты или вам нужны модели?

– Да нет, меня интересует одна из претенденток.

– Вы хотите познакомиться? С кем-то конкретно?

– Нет. – КЗ смутился, в повадке мужчины явно сквозило пренебрежение. – Я ищу девушку. Она пропала после конкурса. Родители с ног сбились.

– Да что вы говорите! – Мужчина был явно взволнован. – Необходимо немедленно обратиться в милицию!

– Обращались, бесполезно, как в воду канула.

– И вы утверждаете, что именно мы ее отобрали? Что это был за конкурс?

КЗ опять смутился:

– Я вообще-то не знаю, кто ее отобрал. Но ваша фирма работала на том конкурсе, вот я и подумал, может быть, вам что будет известно.

Мужчина понимающе закивал:

– Вы знаете, наша основная деятельность – это социологические исследования и бизнес-консультации, и всякими конкурсами красоты мы занимаемся постольку-поскольку, так что я сейчас не готов ответить на ваш вопрос. Но дело, несомненно, серьезное. Я немедленно проинформирую руководство и не сомневаюсь, что мы окажем вам самое серьезное содействие.

КЗ продиктовал ему все данные. И обещал завтра завезти фотографии. Мужчина взволнованно потряс ему руку и, задержав ее в своей, поинтересовался:

– Скажите, а вы родственник, близкий друг или...

– Да нет, – КЗ, довольный визитом, благодушно махнул рукой, – я так, человек со стороны, просто пообещал одному человеку, что помогу ее родителям.

– Вы знаете, – проникновенно сказал мужчина, – в наше время редко встретишь подобное желание помочь ближнему. Так что благодарю вас еще и за то, что вы поддерживаете в людях веру в доброту.

– Да ладно, чего уж там. – И хотя КЗ за последнее время выслушал уж больно много комплиментов прекрасным качествам своей души, этот, от совершенно незнакомого человека, был особенно приятен.

Они еще раз торжественно пожали руки. Мужчина проводил его до двери и приветственно помахал рукой. Садясь в машину, КЗ испытывал некое чувство эйфории. Вспомнив предупреждение Сашки и свои страхи, он насмешливо фыркнул и завел мотор.

Мужчина проводил машину взглядом, подошел к столу и снял трубку телефона:

– Можешь занять свое место.

Когда в приемную бочком протиснулась длинноногая секретарша, мужчины уже не было. Он поднялся к себе на второй этаж. Достал тоненькую папочку, надписанную «Воробьев Иван Сергеевич (КЗ)», пролистал ее, некоторое время о чем-то раздумывал, потом открыл листок с фамилиями, аккуратно обвел три из них в овалы и перечеркнул крест-накрест, затем написал: «Закончено» – и, несколько мгновений помедлив, поставил завтрашнее число.

7

День начался просто прекрасно. С утра КЗ проскочил по заведениям. Появившись у Сявы, он припомнил, что вчера не сказал ему о новом статусе Сергея Евгеньевича. Но солнышко светило так ярко, а воздух после ночного дождя был так свеж и бодрящ, что КЗ махнул рукой и, решив не портить столь славный денек созерцанием тупой Сявиной физиономии, рванул к Натали. У нее стоял дым коромыслом.

– Что это ты творишь? – удивился КЗ.

– Ой, Ванечка, ты не представляешь, какая удача! Я, кажется, могу получить работу, о которой столько мечтала.

Натали была слегка помешана на идее стать моделью. Впрочем, с ее данными это был не безнадежный вариант.

– Поздравляю, и как это тебе удалось?

– Прямо как в сказке, вчера вечером подсел за столик один хорошо упакованный дядечка, весь вечер кадрил как положено, а когда в номер поднялись и только начали, вдруг говорит: «Одевайся». Я аж перепугалась, а он визитку сунул и говорит: «Позвони завтра, я подбираю девушек для работы в рекламных агентствах, если хочешь быть моделью, придется поработать». – КЗ критически поморщился. Натали понимающе кивнула: – Я ему так и сказала: «Ищи дуру в другом месте, знаю я эти рекламные агентства – туркам с конца отсасывать», а он рассмеялся и говорит: «Тебе решать, там адрес и телефон, я никого палкой не загоняю», потом швырнул деньги на постель и шнур к двери, я ему: «Эй, ты чего, уходишь?» А он так серьезно отвечает: «Я никогда не трахаю своих сотрудниц».

– Ну и?

– Я сегодня там была!

– Где?

– Ну в этом рекламном агентстве. Ванечка, оно настоящее!

– Что?

– Ну это рекламное агентство. Там работает масса народу. Тот тип и вправду генеральный директор, он показал мне тучу журналов, а потом вызвал адвоката и предложил заключить контракт.

– И ты заключила?

– Ой, Ванечка, я испугалась, сказала, что подумаю.

– Ладно, молодец, Наталья, знаешь, у меня последнее время постоянное ощущение каких-то грандиозных перемен. Мне кажется, что нас ждет что-то великое и мы наконец поймали удачу за хвост. Ладно, сегодня наш день, почему бы не отметить его грандиозным загулом, приглашаю!

– А куда пойдём?

– Куда хочешь!

– Ой, тогда в «Красный дракон», я там ни разу не была, а Верка-тверская говорит, там жареных змей дают.

КЗ картинно поморщился:

– Ненавижу жареных змей!

– Ну, Ванечка!

– Ладно-ладно. Я заеду за тобой в восемь. Будь готова.

– Ванечка, ты чудо, только у меня в семь контрольная съемка.

– Это как? – не понял КЗ.

– Они говорят, что это вообще-то пустая формальность, но необходимо сделать несколько снимков, посмотреть, как я буду себя вести перед камерой. Так во всем мире принято.

– Ну раз принято, так делай, подожду, а пока чао. Надо завезти фотографии дочери твоего дядечки в одну контору. Обещали помочь.

– Как я тебя люблю, Ванечка! – Натали чмокнула его в щеку и ускакала в ванную.

КЗ уже ждали. Вчерашний мужчина взволнованно встретил его у дверей:

– Вы знаете, боюсь сглазить, но, по-моему, мы нашли.

КЗ опешил:

– Как? Уже!

– Дело в том, что они никуда не пропадали. Девушки заключили контракт с одним рекламным агентством, и оно сняло базу отдыха в сорока километрах от Москвы, где заставляет своих сотрудниц стогнать домашний жирок.

– Прекрасно, надо сообщить родителям.

– Конечно, конечно, можете позвонить от нас.

КЗ направился было к столу, но затем остановился:

– А сколько туда ехать?

– Да часа полтора.

КЗ замялся:

– Может, вы объясните, как туда добраться, хотелось бы самому посмотреть... Ну вы понимаете?

Мужчина воодушевленно закивал:

– Полностью с вами согласен, меня так взволновала ваша история, что я собирался сам туда съездить. Уже отпросился и вызвал машину, так что, если не возражаете, поедем на нашем транспорте. – Он приглашающим жестом указал на синюю «Вольво-960», стоявшую у тротуара.

– Да, но я...

– Ну и прекрасно, загоните свой «БМВ» к нам во двор, никуда он не денется.

КЗ оставалось только согласиться.

Едва «вольво» скрылась за углом квартала, как из особняка выскочил невысокий крепкий парень с неприметной внешностью, профессионально вскрыл переднюю дверцу «БМВ» и через пару минут выехал за ворота, свернув в противоположную сторону.

Когда водитель «вольво» выругался и затормозил прямо на гребне небольшого двухпролетного моста, мужчина вскинулся и озабоченно наклонился вперед:

– Что случилось, Константин?

– Пару минут, Станислав Владимирович, не волнуйтесь.

– Может, лучше будет съехать с моста и потом заняться ремонтом?

– Да у меня что-то со стартером не в порядке, боюсь, не заведемся, а тут с горочки... Не волнуйтесь, подышите воздухом, ноги-то, наверно, затекли.

Мужчина вылез из машины, подошел к парапету и закурил, поглядывая по сторонам. КЗ выбрался вслед за ним и встал рядом. Мужчина вдруг спросил каким-то значительным голосом:

– Курите?

КЗ глубоко вдохнул речной воздух и, стараясь не упустить ни полвздоха, мотнул головой:

– М-м.

– А жаль, – ответил мужчина и, плавно повернувшись, отработанным, профессиональным жестом всадил в грудь КЗ остро отточенный стилет.

КЗ всхлипнул, удивленно опустил глаза, мужчина слегка развернул стилет в ране и отпустил рукоятку. Тело рухнуло на асфальт. Водитель шустро вытащил из багажника два «волговских» колесных диска, сноровисто привязал к шее и ногам КЗ и поднял тело на парпет.

Мужчина спокойно и методично очистил его карманы и в тот момент, когда водитель столкнул тело в бездну, ловко вытащил стилет. Спустя несколько мгновений раздался всплеск, потом все стихло. Они сели в машину, и ровно через три минуты после того, как машина остановилась на гребне моста, он опустел. Только угрюмый сыч, неведь откуда взявшийся в зарослях тростника у опор моста, проводил удаляющуюся машину странным, нептичьим взглядом.

## Часть II Знак Перуна

### 1

Глаза резал яркий свет, все плыло и посверкивало. КЗ попытался сфокусировать взгляд, на мгновение это ему удалось, и он разглядел, как небо над ним закрывают широкие разлапистые еловые ветви, потом опять все поплыло. Он попытался что-то спросить, при этом даже не поняв что. Потом почувствовал, что крепкие, сухие пальцы раздвигают ему губы, в нос ударил резкий, пряный запах, затем по языку потекло чудовищно горькое варево. КЗ захлебнулся, но тут же ощутил, что в голове проясняется. Зрение потихоньку тоже пришло в норму, однако, когда он попробовал шевельнуться, оказалось, что он способен только моргнуть. КЗ попытался подвигать языком и губами: плохо, но все же получилось.

– Де а?

– В лесу, – ответил негромкий бас, – спи, пряткий, тебе еще не менее трех дней спать, пока говорить сможешь. – И те же жесткие пальцы закрыли ему глаза, а потом широкая ладонь прошла по лицу, как бы стирая сознание, и КЗ провалился в тяжелый, вязкий сон.

В следующий раз он проснулся несколько окрепшим. В голове окончательно прояснилось, и глаза больше не застилал туман, однако, когда он опять попробовал шевельнуть головой, в виски ударила резкая боль. Дождавшись, пока она поутихнет, КЗ, осторожно двигая зрачками, оглядел свое новое пристанище. Судя по всему, это была деревенская изба. Он лежал на чем-то жестком, у открытого окна. Где-то наверху угадывался потолок из широченных потемневших плах. Еще, не двигая головой, он сумел углядеть только угол беленой русской печки.

За окном вдруг послышался негромкий разговор, будто собеседники открыли какую-то дверь либо вышли из-за угла.

– ...его коснулся взгляд Триглава.

Невидимый собеседник ответил не сразу:

– Тогда ему повезло, брате...

– Повезло...

Опять наступила тишина, словно говорившие зашли за какую-то преграду, а затем вновь послышались голоса:

– ...думаешь, он?

– Подождем, брат...

КЗ показалось, что основной разговор они ведут на каком-то ином, неслышном ему языке. Где-то за спинкой кровати скрипнула дверь, потом что-то гроыхнуло, и над КЗ склонилось сумрачное мужское лицо. Незнакомец несколько мгновений рассматривал его или даже, скорее, не его, а что-то в глубине его зрачков. Потом отступил к окну. Он был худ, хмур, носат, гладко выбрит, одет в поношенные пиджак и брюки, заправленные в крепкие юфтевые сапоги, и держался как председатель Верховного суда. Потом над КЗ склонился еще кто-то, он почувствовал, как ему вливают в рот уже знакомое варево, и ощутил, что его снова затягивает в сон. КЗ дернулся, попытался что-то спросить, но язык опять не слушался, и он провалился в темное облако сна без сновидений. В памяти остались только странная фраза «...его коснулся взгляд Триглава» и устойчивое ощущение того, что это самая страшная из его проблем.

На этот раз он проснулся ярким, солнечным утром. Памятуя о предыдущих попытках, КЗ решил попробовать пошевелиться только спустя несколько минут. Сначала подвигал зрачками, потом медленно, осторожно повернул голову. Он находился в той же комнате, в которой

очнулся в прошлый раз. КЗ лежал на узкой деревянной кровати, у окна, в углу большой комнаты просторной пятистенки. Посреди комнаты стоял простой струганный стол, занимавший большую часть пространства. Остальная мебель была крайне скудной и явно самодельной.

Широкая дверь из тесаной березы тихонько отворилась, и на пороге возник седой мужчина с бородой и длинными волосами, перевязанными берестяным ремешком. В руках он держал деревянную плошку с густым, желтым липовым медом и тарелку со стопкой блинов. Войдя, незнакомец поставил завтрак на стол и подошел к КЗ. Подобно тому худому мужику он несколько мгновений что-то рассматривал в зрачках Ивана. Потом довольно кивнул и сказал:

– Вставай, завтракать пора.

КЗ вдруг почувствовал зверский голод. У него возникло странное ощущение, что если он сейчас, немедленно не пропихнет в желудок хотя бы маковую росинку, то его желудок примется пожирать его самого. Осторожно, опасаясь резким движением вызвать знакомую по прежним пробуждениям боль, он отодвинул одеяло и сел на кровати. На мгновение в глазах поплыло. КЗ замер, но боли не было. Он медленно спустил ноги на пол и, помогая себе руками, поднялся. Мужчина уже сидел за столом и невозмутимо поглощал блины, макая их в плошку с медом. КЗ сделал несколько неуверенных шагов и так же осторожно опустился на лавку. Голод, отступивший было перед первоочередной проблемой – передвижением, навалился с новой силой, и КЗ, собиравшийся задать сотрапезнику какой-то очень важный вопрос, который вертелся в голове, но никак не мог оформиться, свирепо набросился на еду.

Мужчина насытился первым. Встав из-за стола, он подошел к печке, открыл заслонку и, достав закопченный чугунок, нацедил из него кружку, которую поставил на стол перед КЗ, буркнув:

– Погуляй на дворе, к ужину вернись. – После чего как-то мгновенно-неторопливо вышел за дверь. КЗ даже не успел повернуть голову, а того уже не было.

Лишь съев последний блин, КЗ почувствовал, что наелся. У блинов был какой-то необычный, резкий привкус, который, впрочем, не был неприятным. КЗ придвинул кружку и понюхал. Это оказалось знакомое варево. КЗ выпил, сдвинул посуду на край стола и, понаслаждавшись минут пять ощущением сытости и покоя, направился к двери. В сенях лежала огромная куча прелых листьев и хвои, КЗ обошел ее, осторожно ступая босыми ногами, и вышел на двор. Дом стоял на крохотной лесной полянке. К крылечку вела узкая, еле заметная тропинка, а забор с трех сторон обозначали толстые жерди, привязанные ко вбитым в землю невысоким, едва ли метр высотой, кольям. Вокруг стояла стена исполинских деревьев. Пахло подсыхающей росой, влажной хвоей и еще чем-то дремучим и первобытным, о чем давно уже никто не знает, но еще помнит памятью сотен предков, веками живших в таких лесах и сроднившихся с ними всем своим естеством. КЗ спустился по ступенькам и проковылял к лавочке у колодца. Опершись спиной о колодезный столб, он откинул голову и почувствовал, как по телу разливается приятная истома, словно по вкопанному в землю колодезному столбу из земли вытекают какие-то природные токи и вливаются в его ослабевшее тело.

Мужчина вернулся, когда солнце уже коснулось краем горизонта. Он как-то неожиданно возник у крыльца. Мгновение назад его не было, и вот он уже поднимается по ступенькам неспешным, грузным шагом. Скрипнула дверь, и он исчез в доме. КЗ, большую часть дня так и проторчавший на лавочке у колодца, собрался было рвануть за ним со всех своих хилых силенок, но, прежде чем он опомнился, мужик появился на пороге и мотнул головой:

– Вставай, ужин на столе.

Они молча поели, потом мужик буркнул:

– Я спать лягу на сеновале, а ты здесь ложись, – и вышел за дверь.

КЗ сытно рыгнул и уверенно прошел до кровати. Уже засыпая, он поймал где-то на задворках сознания удивленную мысль: «Странный день, я не задал ни одного вопроса и

вообще не произнес ни единого слова, а ведь мне позарез надо о чем-то спросить, о чем-то важном, очень важном...»

## 2

КЗ жил в лесном доме уже неделю. Он ел, спал, гулял по дому и на дворе. Дед Изя кормил его на убой. К концу недели он сказал:

– Все, паря, неча тебе штаны протирать, вот тебе мешок, наберешь сосновых шишек.

Сначала это показалось простым делом, шишек было много, ходи да собирай, однако через полчаса после постоянных наклонов стало ломить спину, а когда мешок наполнился больше чем наполовину, то стал больно бить по ногам и заметно оттягивать руки. Короче, через три часа КЗ вернулся абсолютно измученным. Дед Изя вывалил шишки в бадью и кивнул на стол:

– Садись, ужинать будем, устал небось?

КЗ набросился на еду прямо-таки со звериным аппетитом. Дожевывая последний кусок пирога с дикой, лесной малиной, он вдруг неожиданно для себя повернулся к деду:

– Слушай, дед, давно хотел тебя спросить. – И замер с полуоткрытым ртом, потом потер лоб и сморщился. – Черт, крутится в голове что-то важное, никак не вспомню.

Тут увидел, что дед Изя тоже сидит разинув рот. КЗ даже опешил от такой картины:

– Ты чего, дед?

Тот опомнился и удивленно покачал головой:

– Первый раз вижу, чтоб «слепой» вот так запросто «зимний наговор» смог одолеть. Силен ты, паря, ой силен.

– Чего?

– Ладно, – дед махнул рукой, – коли время пришло, так и Перун не поможет, спать ложись, поутру все и припомнишь.

– Что припомню?

– И то, что хочешь, и то, о чем забыть был бы рад.

КЗ недоуменно воззрился на деда. Но дальше расспрашивать что-то расхотелось. Он вздохнул, посмотрел вслед деду, который, как обычно, пошел спать на сеновал, и с каким-то глубинным нетерпением забрался в кровать.

Утром КЗ проснулся и рывком сел на кровати. За окном сияло прекрасное, солнечное утро, но на душе было мутрно. КЗ встал и, осторожно подойдя к окну, выглянул во двор, прикрываясь занавеской. Дед Изя... давил дрова. Он брал в руки толстое полено, сдавливал руками, как-то по-особенному встряхивал, и полено с сухим треском распадалось на несколько полешков. КЗ удивленно потряс головой, потом подивился на свои странные передвижения и направился к двери. Когда он появился на крыльчке, дед отложил полено и повернулся к нему, широкой ладонью заслоняя глаза от солнца:

– Ну, чего еще вспомнил?

– Ничего, только вот мутрно как-то, – вздохнул КЗ.

Дед Изя понимающе покачал головой, потом пытливо посмотрел ему в глаза и указал на лавку у колодца:

– Садись.

КЗ подошел к лавочке и осторожно присел, будто это сооружение, построенное из струганных половинок бревен, сегодня могло развалиться под ним. Дед приблизился к нему, наклонился, его глаза полыхнули красной вспышкой, и тут на КЗ накатило, он закусил губу и застонал. Через некоторое время ему удалось вынырнуть из черного потока, захлестнувшего его, он почувствовал в руках какую-то деревяшку и поднял ее к лицу. Это был кусок скамейки.

КЗ отбросил деревяшку и, сунув руку за пазуху, провел ладонью по груди. Под левым соском пальцы нашупали свежий шрам.

– Дед, меня же убили? – хрипло спросил КЗ.

– Смерть смерти рознь, – рассудительно произнес тот, – не всех Род сразу отпускает.

КЗ замотал головой, словно пытаясь отогнать от себя эту тяжесть:

– Мне надо в Москву.

Дед пристально посмотрел на него, потом пожал плечами:

– Надо – так иди, – и махнул рукой в сторону леса. – Коль ходко пойдешь, ден за сорок доберешься.

– Постой, где же мы?

Дед Изя указал рукой в одну сторону, потом в другую:

– Там Ильмень, а там Селигер.

– Чего? – не поверил КЗ, потом спохватился: – А какое сегодня число?

– Восьмое.

– Какое восьмое?

– Сентября.

– Елки-палки, – КЗ обомлел, – это ж сколько я провалялся?

– Завтра пятнадцатый день, как ты у меня.

КЗ упрямо проговорил:

– Никаких завтра, сегодня я ухожу.

Дед молча пошел в дом, КЗ прислонился к колодезному столбу и до боли сжал зубы.

– Вот возьми одежонку-то свою.

Перед ним стоял дед Изя.

– Тебе, дед, надо было шпионом работать, а не...

КЗ вдруг вспомнил, что не знает, кем он работает. Затем в голову полезли всякие другие несуразицы, почему он вспомнил все только сейчас, как он выжил здесь, в лесу, без медицинской помощи? Да и вообще, проникающее ранение сердечной мышцы, а он на ногах, вчера полдня лазил по лесу, собирал шишки. Черт возьми, да кто он такой, этот дед Изя? КЗ несколько мгновений ошарашенно рассматривал деда, потом мотнул головой, отгоняя несвоевременные мысли. Все потом, сейчас скорее в город. Дед поднял глаза и, прищурившись, пригляделся к низким тучам, внезапно затянувшим небо:

– Сыч идет.

– Кто? – не понял КЗ, натягивая брюки.

– Он тебя сюда и принес.

– А-а, – понимающе протянул КЗ, обуваясь, и тут же недоуменно выпрямился: – Как принес, откуда?

– Кто ж кроме Сыча знает, откуда такие дурни берутся, – пробурчал дед Изя и зашагал к дому, у самого порога он остановился и, не глядя на КЗ, сказал: – Охолонь, Сыч скоро будет, он тебя до Бологого проведет, не то заплутаешь.

### 3

КЗ проснулся затемно, но долго лежал, обсасывая ситуацию со всех сторон. Он был полон яростного желания отомстить, раздавить, уничтожить. Но первый взрыв эмоций прошел, и где-то на окраинах сознания начали копошиться сомнения. КЗ всегда ценил эти сомнения, они не умаляли решимости действовать, но помогали действовать разумно. Он прикидывал так и этак, по всему выходило, что он где-то перешел дорогу людям, для которых он был даже не букашкой, а так... переменной, математической абстракцией. Ведь его не просто убили, все было обставлено с умом, и если бы не этот странный Сыч, КЗ попросту бы исчез. Это

была какая-то многоходовая комбинация. И то, насколько быстро, всего лишь за день, ее подготовили и провели, как четко просчитали и внесли в свои неясные для КЗ, но, несомненно, существующие уравнения новую переменную, выдавало профессионалов высочайшего класса, с которыми КЗ тягаться бессмысленно. Ближе к рассвету у него голова пошла кругом, ему стали казаться глупостью все его ночные выводы, он то представлял этого Станислава Владимировича маньяком-одиночкой, то все оборачивалось мафиозными разборками. А когда КЗ по каким-то невероятным признакам, возникшим в его воспаленном мозгу, последовательно пришел к выводу, что вляпался в подготовку государственного переворота либо в супероперацию иностранной разведки, он понял, что пора идти – еще немного, и он двинется по фазе. КЗ встал, оделся и вышел на двор. Дед Изя сидел на лавочке у колодца и невозмутимо складывал в «сидор» какие-то свертки.

– Где Сыч? – нетерпеливо спросил КЗ.

– Пошли, поешь, – спокойно сказал дед.

– Не до еды мне сейчас, – рявкнул КЗ, – и так день потерял.

– Не шуми, все одно без Сыча тебе отсюда не уйти.

– Это почему?

– Так не поймешь ведь.

КЗ в упор боднул деда сердитым взглядом. Тот хмыкнул в бороду и нехотя пояснил:

– Сыч наговор наложил. Ни к нам, ни от нас ни один «слепой» дороги не найдет.

КЗ взорвался:

– Слушай, дед, я понимаю, ты этот, как его, народный целитель и кое-какие приколы умеешь, но эти ваши игрушки, всякие там слепые, зрячие, триглавы и кто там еще... Играйте на здоровье, но мне-то не до этого!

Дед отложил в сторону «сидор»:

– Иди.

КЗ замер, бросил взгляд на «сидор», очевидно собранный для него, но после сказанного посчитал неудобным претендовать на подобный подарок и двинул по тропинке мимо колодца. Через сотню шагов тропинка стала едва различимой, а вскоре совсем исчезла. КЗ прикинул направление и зашагал напрямик. Перебравшись через небольшой овражек, скорее даже большую ямину, он наткнулся на полузаросшую тропку и, приободрившись, двинул по ней. Тропинка заметно расширялась, КЗ прибавил хода, обогнул разлапистую ель и... вылетев на поляну, устался на деда Изю, сидящего у колодца. Немая сцена продлилась около десяти секунд. КЗ зло сплюнул и вновь упрямо направился по тропинке. Когда он, внимательно приглядываясь к каждому шагу, вышел на знакомую полянку седьмой раз, дед Изя уже ждал его у ограды с ковшиком воды. КЗ несколько мгновений вглядывался в бородатое лицо, ища признаки ехидства, – но взгляд старика выражал только жалость и терпение, – и жадно припал к ковшику. Напившись, он присел на жердь.

– Ладно, дед, твоя взяла, но имей в виду, если жив буду, ты мне кое-что должен будешь объяснить... Где Сыч-то?

– А вон. – Дед глянул куда-то в сторону его левого плеча. КЗ обернулся. У намозолившей ему глаза разлапистой ели стоял тот самый худой, носатый мужик в сапогах.

Сыч долго не рассусоливал. КЗ не успел опомниться, как дед Изя натянул ему на спину «сидор» и дружески подтолкнул в спину за ходко двинувшим по знакомой тропке Сычом. Переходя злополучный овражек, КЗ непроизвольно напрягся, но на той стороне никаких тропок больше не оказалось.

Они шли до вечера, а когда отгорела вечерняя заря, Сыч свернул в балку и, пройдя метров сто вдоль протекающего по дну ручейка, нырнул в какую-то щель. КЗ протиснулся за ним. Это оказалась сухая песчаная пещерка с ворохом сухих, невесомых палых листьев. Судя по всему, прошлогодних. После краткой трапезы, прошедшей, как и вся дорога, в полном мол-

чании, Сыч как-то по-особенному провел ладонью над кучей листьев, и те, будто разнозаряженные металлические опилки, притянутые к противоположным полюсам, разделились на две вздыбленные, продолговатые кипы. Сыч, не теряя времени, растянулся на своей, листья взвились легким облачком, но тут же облепили Сыча с головы до пят, оставив открытым только лицо. Когда КЗ осторожно опустился на свое ложе, с ним произошла та же история. Устроившись поудобнее, КЗ повернулся к Сычу:

– Слушай, а этим вашим заморочкам, дрова, скажем, давить или вот такие петли, как я утром выписывал, – любой научиться может?

Ответ пришел, когда КЗ уже перестал на него надеяться.

– Захочешь – узнаешь.

– Конечно, хочу, я же спросил, – удивился КЗ.

И опять после долгого молчания негромкий голос произнес:

– Спросить и захотеть узнать – не одно и то же.

– Не понял? А как же узнать?

– Захочешь – поймешь, – последовал еще один загадочный ответ, и Сыч закончил дискуссию: – Спи.

КЗ почувствовал, как его глаза захлопнулись, и он провалился в сон.

К двенадцати часам следующего дня КЗ стоял на перроне станции Бологое, дожидаясь электрички на Москву, и размышлял над словами Сыча. Тот исчез, едва они вошли в здание вокзала. КЗ только на долю секунды отвел глаза, высматривая билетные кассы, а когда повернулся, то Сыча уже не было. Вскоре подошел состав.

Спустя полтора часа, сидя у окна в заплеванном вагоне, КЗ подвел итог: «За что убивали – неизвестно, отчего выжил – неизвестно, где жил – неизвестно, кому вопросы задавать – неизвестно, а по Сычу выходит, что и ответ получить проблематично. Короче, задачка со всеми неизвестными в уравнении. Что ж, будем решать».

## 4

Такого кошмара он не ожидал.

Первым делом КЗ зарулил к Сашке. Надо было повиниться, что не внял предупреждению, и обмозговать, как жить дальше. Когда он позвонил в дверь, его долго разглядывали в глазок. Потом неуверенный женский голос спросил:

– Вы к кому?

– Оля, не узнаешь? Это же я, Иван.

За дверью раздался приглушенный всхлип, шаги, через некоторое время в квартире все стихло. КЗ позвонил еще раз и несколько раз позвал Ольгу. Но в квартире все было тихо. КЗ пожал плечами и начал спускаться по лестнице. Вообще-то было время обеда, и он собирался застать Сашку дома, тот редко пропускал обед, как бы ни был загружен на работе. Но раз не вышло, придется ловить его на рабочем месте. КЗ вышел из подъезда и, попав из сумрака лестничной клетки на солнечный свет, на мгновение прищурил глаза. В эту секунду ему врезали в пах и повалили на землю. Мгновение спустя на его руках защелкнулись наручники. Ему еще несколько раз врезали по почкам, потом засветили по затылку так, что он разбил нос об асфальт, и только после этого подняли. У КЗ перед глазами плясали цветные шарики, его двинули в спину, и он, пролетев несколько шагов, упал на капот какой-то машины. В глазах понемногу прояснялось. От подъезда раздалось:

– Подождите!

КЗ повернулся и увидел Ольгу в домашнем халатике и тапках на босу ногу, она подошла к нему и с каким-то отчаянным выражением на лице вlepила ему пощечину, потом разревелась

и, сгорбившись, пошла к подъезду. Какой-то парень в камуфляже и шапочке-маске полуобнял ее за плечи и, бережно поддерживая, помог подняться по ступенькам.

– Оля, что происходит? – прохрипел ей вслед КЗ, за что получил прикладом по почкам.

– Молчать! – Его взяли за наручники, ухватив их так, что они больно врезались в запястья, и, сильно дернув, заволокли в кузов грузовой машины.

– Ну что, козел? – обратился к нему один из «камуфлированных». – Добегался, мы тебе еще Сашку припомним...

В машину просунулась очередная голова в шапочке-маске.

– Ну чего тебе?

– «Дачный» на связи.

– Фу-ты черт. – «Камуфлированный» выбрался из машины и пошел к микроавтобусу-«газели».

КЗ в полной прострации завалился на спинку сиденья. Все, что с ним происходило, казалось дурным сном. Перед глазами все плыло и странно меняло цвет. «Может, все это глюки? – отчаянно взвилась мысль. – Может, я еще умираю на том мосту и все, что произошло, видения умирающего мозга?»

Вернулся, ругаясь, «камуфлированный».

– Давайте этого в «оперативную». – Он кивнул на «газель».

– В чем дело? – удивился водитель.

– Прокуратура ждет.

Водитель зло матернулся и вылез из машины. КЗ чуть ли не волоком протащили по асфальту, не забыв при этом наградить дюжиной ударов, и швырнули на пол микроавтобуса. Когда автобус мчался по улицам, он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Глядевший смотрел равнодушно, как-то сквозь него, как человек, занятый серьезным делом, смотрит на утопающего муравья, так, задержался взгляд на какой-то мелюзге и скользнул дальше, а муравей утонул. Что это было, наваждение или...

КЗ привели в кабинет и посадили перед каким-то усталым мужиком в сером, невзрачном костюме, с невыразительным лицом. Тот поднял глаза, вздохнул и вытянул из кипы, лежащей на столике рядом с окном, чистый бланк протокола.

– Фамилия... Имя... Отчество... Год и место рождения... – бубнил он.

КЗ отвечал механически. Следователь продолжал:

– Постоянное место работы...

Потом зашелестел бумагой и, развернув лист к КЗ, с нажимом сказал:

– В соответствии со статьей сорок шесть УПК РФ вы имеете право... – Долго перечислял права и закончил, протягивая ручку: – Распишитесь.

– Я хочу знать, в чем меня обвиняют.

– Распишитесь, – настойчиво повторил следователь и, дождавшись подписи КЗ, сунул ему под нос бумагу с крупной надписью «ПОСТАНОВЛЕНИЕ» вверху листа.

Глаза КЗ сразу уперлись в фразу: «...приведшие к смерти потерпевшей...», он обшарил глазами лист, спотыкаясь на словах: «В автомобиле марки „БМВ-525“, принадлежащем Воробьеву Ивану Сергеевичу... с особой жестокостью... предварительно, многократно изнасиловав... многочисленные следы побоев» – и замер на фамилии, имени, отчестве: «СЕРГЕЕВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА». У КЗ потемнело в глазах.

– Эй, обвиняемый, что с вами? – удивился следователь, но КЗ его уже не слышал.

Очнулся он под аккомпанемент удивленных возгласов.

– Почему?! Нет, я только начал допрос... Я не понимаю, при чем тут... Нет, я не обсуждаю ваши распоряжения... Хорошо-хорошо... – Следователь положил телефонную трубку и повернулся к КЗ – Очухался? – Не дожидаясь ответа, он поднял КЗ с пола за лацканы пиджака. И замер, нащупав рукой шов от стилета. – Что это?

КЗ кивнул на постановление:

– Девятнадцатого августа, в день, когда я, по вашей бумажке, убивал самого близкого мне человека, мне в грудь всадили двадцать сантиметров стали.

Следователь задумчиво пожевал губами:

– Вот что, Воробьев, запомни – следователь по особо важным делам Баргин Анатолий Александрович, рабочий телефон 245-64-17... Я твоим делом заинтересовался, уж больно натурально ты в обморок упал. Похоже, что убийство Сергеевой Натальи Петровны для тебя действительно новость. Так что, несмотря на то что твое дело у меня забирают, я немного покопаюсь.

КЗ отчаянно замотал головой:

– Нет, не вздумайте! Меня коснулся взгляд Триглава, я уже мертвец, вам нельзя даже думать обо мне. Черт! Как до меня не дошло! Я должен был остаться. Они бы научили. А теперь поздно, поздно...

– Прекрати истерику! – рявкнул следователь и сунул ему постановление: – Тут еще эпизод взятки, ознакомься.

КЗ углубился в чтение. С оледеневшим сердцем он прочитал душераздирающее описание состояния Наташкиного тела и, перескочив через статью 102, части г) и е), с удивлением узнал, что, судя по показаниям свидетеля Торопчина Всеволода Иннуариевича, которого он знал под именем Сявы, накануне убийства в принадлежащей этому свидетелю столовой передал инспектору управления по борьбе с организованной преступностью крупную сумму взятки, которая была изъята у него из машины в присутствии понятых, факт совместного обеда подтвердили свидетели. КЗ скрипнул зубами:

– Вот подонок!

Открылась дверь в коридор и зашел конвой.

– Уже? – Следователь поднялся навстречу.

КЗ сидел ошеломленный. Сашку подставили через него, он считается убийцей Натали. Господи, а он-то думал, что страшнее, чем было на мосту, с ним ничего случиться не может.

Его вывели во двор и подвели к автозаку. Один из конвоиров открыл дверь, а другой толкнул в спину и сильно ударил свалившегося на пол КЗ рукояткой пистолета под основание черепа.

Очнувшись, КЗ увидел Станислава Владимировича. Заметив, что КЗ пришел в себя, он добродушно улыбнулся и сказал:

– Ну вот, хорошо. А вы живучая тварь, Иван Сергеевич. – И тоном, каким успокаивают детей, случайно уронивших чашку, добавил: – Ну ничего, это поправимо.

## 5

КЗ привезли в знакомый особняк, только теперь они въехали через главные ворота. Его заволокли на второй этаж, но там аккуратно усадили на стул. Станислав Владимирович уселся рядом, ткнул рукой в стенку, и та повернулась вокруг своей оси, явив из своих недр большой телевизор со встроенным видеоманитофоном.

– Не желаете ознакомиться с последними минутами жизни вашей знакомой? – учтиво обратился он к КЗ и, не дожидаясь ответа, нажал на воспроизведение.

КЗ увидел на экране Натали. Она сидела на здоровенной кровати, поджав ноги, и испуганно оглядывалась. Сцену готовил прекрасный режиссер. Натали отлично смотрелась среди шелка, гипюра и атласных подушек. Потом появилось восемь парней, с двоих можно было ваять Аполлонов, двое были натуральными уродами, остальные – серединка на половинку. Потом КЗ отвернулся. Того, что происходило дальше, он смотреть не мог. Один из охранников

схватил его за волосы и развернул было к экрану, но Станислав Владимирович с обаятельной улыбкой отрицательно покачал головой и просто прибавил звук.

Когда все закончилось, КЗ повернулся к своему врагу и сирым от боли голосом спросил:

– За что? – Голос сорвался, КЗ сглотнул комок и с усилием продолжил: – За что ты меня так ненавидишь, в чем мы были виноваты перед тобой?

– Нехорошо тыкать старшим. – Станислав Владимирович укоризненно покачал головой. – Невежливо. А насчет вины. О, ни в коем случае. Вы были просто досадной помехой, таким камушком в ботинке, вас необходимо было просто вытряхнуть, что, к сожалению, мне не удалось с первого раза.

– А за что же ее?

– Ах, это, это просто страховка против вас, ну, знаете, там слухи, внезапно появившиеся забытые друзья, неизвестные родственники, ведь нельзя знать о человеке все, мы сами все о себе не знаем. Кроме того, это бизнес. – Станислав Владимирович нажал кнопку экстракции и, вынув кассету, помахал ею в воздухе: – Вот эта кассета стоит в некоторых местах пятьдесят тысяч долларов, таких мест у меня двадцать. Ежемесячно я продаю им по одной кассете. А потом мне требуются новые актрисы.

КЗ задохнулся от ужаса:

– Вы убиваете каждый месяц...

– Увы, мой друг, правда, сюжет со смертельным исходом всего один, но это как бы моя визитная карточка, кстати, ваша первая протезе, из-за которой вы вляпались в это дело, закончила так же, не хотите ли взглянуть?

КЗ содрогнулся:

– Зачем?

– Что зачем? – удивился Станислав Владимирович.

– Зачем вы мне все это показали? Я же для вас просто камушек в ботинке. Убили бы, и все дела.

– Ну, дорогой мой, так было вначале, а сейчас вы заставили меня поволноваться и испортили мое реноме. Так что я с удовольствием уделю вам побольше времени.

КЗ стиснул зубы и, набычив голову, тихо спросил:

– А если я опять выживу?

Станислав Владимирович ослепительно улыбнулся:

– Ну что вы, Иван Сергеевич, совсем уж мне не доверяете?

Он подошел к ширме, отгородившей часть комнаты, и отодвинул ее. За ней оказались стол и кушетка.

– Видите, – Станислав Владимирович указал на знакомый стилет, – руоповцы считают, что вы специально подставили их товарища. Они на вас злы и, следовательно, сделали ошибку. Они ведь вас не обыскали. Вопиющий непрофессионализм. Клянусь, это не было предусмотрено, я сам не ожидал от них такого подарка. Каждый из тех, кто коснулся вас, счел необходимым вас пнуть, но ни один не проверил карманы. И в этом их проблема, потому что все заснято на пленку другим, скажем так, подразделением. И вскоре полетят некоторые головы. Между прочим, очень кстати. А вы, воспользовавшись этим проколом, попытались подкупить следователя прокуратуры. И представьте себе, вам это удалось. Везунчик вы, однако! – Станислав Владимирович восхищенно всплеснул руками. – Поэтому в ближайшее время у достойнейшего Анатолия Александровича Баргина никак не будет времени заниматься вашими проблемами, ему хватит своих.

КЗ обреченно прикрыл веки. Взгляд, который этот странный Триглав бросил на него, зацепил еще одного, какого уже по счету, КЗ не знал.

– Но это не главное, главное, что они просмотрели *это*. – И он опять указал на стилет. – Поэтому, когда вас забрали от следователя, с которым у вас все было «на мази», вы психанули

в машине: набросились на конвоира и выпустили ему кишки. – И он указал на худенького паренька, мирно посапывающего на кушетке. Затем вновь улыбнулся и развел руками: – К счастью, конвоир успел нажать на спуск своего АКС-74У и выпустил в вас полный магазин.

– Вам не замести следы! В машине есть еще люди. Вы не посмеете убить всех...

– Это мои проблемы, Иван Сергеевич, но по секрету скажу, остальные – мои люди. И если бы нам не был нужен жертвенный агнец, то моими были бы все трое, весь караул.

И тут КЗ увидел Сыча. Тот стоял у стены и с обычным сумрачным видом разглядывал Станислава Владимировича. У КЗ сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Он прошептал: «Сыч, заведи меня отсюда, я очень, очень хочу знать, мне необходимо знать, Сыч». Станислав Владимирович насторожился. КЗ перевел взгляд на него. Сыч не подал никакого знака, но КЗ был уверен, что он пришел за ним.

– А если я сейчас исчезну?

Станислав Владимирович отреагировал мгновенно. И не так, как это сделало бы большинство людей. Он кивнул двоим жлобам, стоящим по бокам стула, на котором сидел КЗ:

– Положите руки ему на плечи и не отпускайте.

– Чего? – оба обалдело вылупились.

Но Сыч вдруг оказался у стула и буркнул:

– Пошли.

КЗ протянул руки, все еще скованные наручниками, и взял со стола кассету с последними минутами жизни Натали. Потом встал и двинул за Сычом. Сзади раздались изумленные возгласы. Пару раз пальнули, после чего поднялся полный шухер. Откуда ни возьмись вылетели толпы охранников, но они с Сычом невидимками прошли через двор, вышли на улицу и направились к аллейке. Сев на первую же лавочку, Сыч достал из кармана какой-то сухой стебелек, пожевал и плюнул на наручники. Замок хрустнул, взвизгнул, и полукольца раскрылись. Сыч выкинул наручники в кусты и двинулся в гущу кустарника.

– Пошли, сейчас собак спустят, им глаза отводить труднее, они носом видят.

Они прошли с полсотни метров, несколько раз повернули и вышли к какому-то пруду. КЗ четко помнил, что сквер был небольшой, никакого пруда просто быть не могло, но Сыч мерно шел рядом, а КЗ уже отвык удивляться чему бы то ни было, происходящему с ним в присутствии Сыча, да и сил не было. Только вечером, уже на последнем издыхании рухнув на кипу прошлогодней листвы в очередном схроне Сыча, КЗ спросил:

– Сыч, почему ты меня спас?

Тот, по обычаю, долго молчал, но потом вдруг заговорил нараспев:

– И ослепнет мир, и будут люди рождаться и умирать, не зная ни света, ни правды Родовой.

И родится «слепой», коего взгляд Триглава не сможет в небытье повергнуть.

И отметит его Перун знаком своим, и даст в побратимы с запада, с севера, с востока и юга.

И прозреют они, и вернутся на Родов путь, и придут многие за ними вслед.

## 6

Только гораздо позже КЗ осознал, что они вышли из Москвы, ни разу не переходя асфальт. Как ступили на дерн, так и начали петлять между кустов и деревьев. А на третий день вышли на знакомую полянку. Обогнув уже привычную разлапистую ель, КЗ выскочил на полянку и ошалело огляделся. Дед Изя с каким-то пожилым мужчиной в прекрасно сшитом костюме, но с подвернутыми брюками и босиком сидел на своей любимой лавочке у колодца. КЗ озадаченно повернулся к спутнику:

– Ну, Сыч, ты должен мне объяснить.

– Чего?

– Не пудри мне мозги, где мы окружную перешли? И что это за место, до которого от Москвы за три дня пешком доберешься, а от него за полтора дня до Бологого дотопаешь?

Но тот лишь повторил сакраментальную фразу:

– Захочешь – узнаешь, – и ушел в дом.

КЗ тяжело вздохнул и, поздоровавшись с несколько оторопело тарасившимся на него гостем деда Изи, побрел следом за Сычом. Немного побаливали синяки, но от пережитой обработки КЗ ожидал гораздо большего. А может, опять Сычовы заморочки?

В горнице на его кровати лежал какой-то парень. Его глаза были закрыты, а лоб покрыт испариной. Над ним склонился Сыч и, оттянув веко, что-то рассматривал в зрачке.

– Кто это?

– Убогий. – Сыч отпустил веко. – Руки-ноги отнялись, и боль как червь точит, помрет скоро, коли не вылечить. Ежели не от болезни, так сам себя порешит.

КЗ подошел поближе и пригляделся к парню. Тот явно не всю жизнь был убогий. Кость широкая, грудная клетка куполом.

– Иди на двор, – обронил Сыч.

На дворе уже никого не было. КЗ поторчал на лавочке, потом цапнул мешок для шишек и по старой памяти отправился в лес.

Ужинали вчетвером. Дедов гость куда-то исчез. А парень сидел в кровати и с ошеломленным выражением лица держал в дрожащей руке чашку. КЗ, чувствуя себя старожилом, подумал: «Погоди, дорогой, это еще цветочки, через недельку голова кругом пойдет». После ужина КЗ убрал со стола и, постелив себе на лавке у печи, подошел к кровати:

– Как тебя звать-то?

– Конрад, – с каким-то странным жестким акцентом ответил тот.

– Прибалт?

– Нихт... э-э... нет, немец.

– Да ты что! – удивился КЗ. – Восточный, ну из бывшего ГДР?

Парень покачал головой:

– Я живу в Кёльне.

– А русский откуда знаешь?

– Это гроссфатер... дедушка то есть, он иммигрировал из СССР. Вместе с моей матерью, а я родился уже в Кёльне. Но дедушка – патриот СССР, он дома говорит только по-русски. Когда я был маленький, папа и мама работали, а на няню денег не было, так что я сидел с дедом, пришлось выучиться.

КЗ заметил, что парень облизывает губы, и поднес ему ковшик, тот попил и с облегчением откинулся на подушку. КЗ поднялся:

– Ну ладно, спи, завтра поговорим.

– Это ничего, знаешь, я сегодня впервые за год сумел сам удержать чашку. Я уже совсем надежду потерял, если бы не мать и дедушка... От меня же все врачи отказались. Доктор Штайнер матери так и сказал: «Все бессмысленно, фрау, древние монголы подобным образом казнили, мы можем сколь угодно долго поддерживать жизнь, но вылечить это никто не в состоянии».

– Вылечат, не журысь.

– Как? – не понял Конрад.

– Так, жаргон, – смутился КЗ, потом продолжил: – Еще не рад будешь, что здесь оказался, ну ладно, спи.

На следующее утро КЗ, твердо решив не доставать хозяев, безропотно занялся делами. Вымыл пол в избе, насобирал три мешка шишек и переделал тучу всяких мелких делишек, какие неизбежно возникают в любом доме, размеренную жизнь которого нарушили свалившиеся на голову гости. А вечером, когда появился куда-то отлучавшийся Сыч и дед Иза достал

из погреба обалденно вкусную бруснику в меду, Конрад уже сидел со всеми за столом. Лицо его излучало такое счастье, что КЗ невольно позавидовал, и где-то глубоко шевельнулось, как застарелая рана к непогоде, воспоминание о том, что глубоко на дне «сидора» лежит кассета со страшными последними минутами Наташкиной жизни. Но то ли его психика была слишком перегружена и сама озаботилась принять меры, для того чтобы он окончательно не двинул с катушек, то ли Сыч как-то расстарался, с того момента как он снова переступил порог дедовой избушки, все жуткие события последних дней стали казаться чем-то вроде крутого эпизода дешевенького боевичка. Будто бы все это произошло не с ним.

После ужина Конрад сам позвал КЗ. За весь день они едва перекинулись парой слов, и ему, видимо, не терпелось пообщаться.

– А ты кем являешься дедушке Изяславу?

КЗ слабо улыбнулся:

– Он мне вроде как родитель, что ли.

– Это как? – не понял Конрад. – Отец?

– Нет у меня отца, и матери тоже нет, – с привычной неуклюжестью попытался усмехнуться КЗ, но, как обычно, ничего из этой попытки не вышло.

– Ты воспитывался в приюте, – сочувственно кивнул Конрад, – а что значит как родитель?

– Две недели назад я тоже лежал на этой кровати и не мог понять ни как я сюда попал, ни почему я еще жив.

Конрад удивленно раскрыл глаза:

– А что с тобой произошло?

КЗ мрачно хмыкнул:

– Жизнь переехала, а с тобой? Не туда зарулил на «мерседесе»?

Конрад нахмурился:

– Меня избili.

– Как это? – не понял КЗ, он, как, впрочем, многие другие, считал Европу неким ухоженным райским садом, где не может произойти ничего дурного.

– Дедушка считает, что я перешел дорогу большим деньгам. У меня слишком быстро росли результаты. Нам домой звонили, угрожали, но никто не придавал значения, и вот... А ты попал в автокатастрофу?

– Можно сказать и так. А, не забивай голову, нет, я не родственник хозяев, а здесь потому, что мне кое-что от них надо, и есть основания полагать, что я могу это получить. А ты-то как сюда попал? Я вообще-то не думал, что дед Изя имеет столь широкую европейскую известность.

Конрад отрицательно покачал головой:

– Это все дедушка, они вместе воевали, ну на той, Второй мировой, или, как у вас говорят, Великой Отечественной. – Конрад испытующе поглядел на КЗ, как бы проверяя, не сказал ли он чего-нибудь такого, что могло бы обидеть хозяев. – Дедушка рассказывал, что его фронтовой друг Изяслав, когда они выходили из окружения, заставил затянуться в течение ночи пять пулевых отверстий и к утру смог идти и вывел их через лес. Когда я был маленьким, я любил слушать деда. Потом я вырос и стал считать его рассказы вымыслом. А затем дедушка побывал в вашей стране на пятидесятилетии вашей Победы и встретился с герр Изяславом, и, когда со мной произошел этот случай, – Конрад смутился, как и любой здоровый человек, внезапно ставший инвалидом, он стеснялся говорить о своем несчастье, – он сразу стал предлагать отвезти меня сюда. Но тренер и слушать об этом не хотел, да и муттер... мама и папа тоже. Меня возили по лучшим клиникам, но единственное, чего им удалось добиться, – это купирование болей, да и то временное. Тогда дедушка меня украл и привез сюда. И видишь...

– А чем ты занимался?

– Тяжелой атлетикой.

– Странно, если у тебя были шансы выйти на мировой уровень, у вас должны были быть только рады, Германия, по-моему, не блистает в тяжелой атлетике.

Конрад тяжело вздохнул:

– Вопрос в том, кто на мне будет зарабатывать.

КЗ понимающе кивнул:

– Ладно, давай спать, если я правильно помню, завтра твой черед шишки собирать.

– Ты думаешь, мне разрешат ходить? – возбужденно спросил Конрад.

КЗ, уже отойдя к своей лавке, обернулся:

– Это ж тебе не клиника. Спи.

Когда они уже лежали в темноте, с кровати раздался тихий голос:

– Иван...

– Чего тебе? – негромко отозвался КЗ.

– А чего ты хочешь от них получить? – И после небольшой паузы: – Если это, конечно, не секрет.

КЗ почувствовал, что губы сложились в злобный оскал.

– Да так, ничего особенного, – отмахнулся он, но потом вдруг добавил: – Мне надо стереть с лица земли несколько тварей, а наши хозяева могут научить меня, как это сделать. – И, помолчав, закончил: – Это будет очень неприятный сюрприз для тварей.

За окном, как бы подтверждая, что сказанное услышано, ухнул сыч.

## 7

КЗ проснулся от яркого солнечного света. Это означало, что Сыч уже далеко. И на него вдруг снова накатило ощущение каких-то грандиозных перемен, на пороге которых он находился. Но это ощущение остро напомнило о Наташке, и КЗ остервенело стиснул зубы, чтобы не застонать.

Все утро он возился на дворе, заменяя подгнившие жердины в заборе. Конрад сразу после завтрака на дрожащих ногах побрел в лес с небольшим мешочком, но его глаза счастливо сверкали. Дед Изя спозаранку пошел, как он сказал, дружка проведать, но к обеду обещал вернуться. В общем, все было тихо, мирно и спокойно. Так что когда раздался топот копыт и через жерди забора перемахнул конь с сидевшим на нем мужиком в кителе с зелеными петлицами, КЗ только недоуменно покачал головой. Мужик ошалело поглядел на КЗ, слетел с коня и через три ступеньки полетел в дом. КЗ отложил топор и присел на нижнюю жердь, решив понаблюдать за развитием событий. Ожидания его не обманули. Мужик вылетел на крыльцо, подскочил, крутанулся на месте и понесся к КЗ.

– Где дед?!

– Не знаю, – отозвался КЗ. – С утра ушел. Сказал – приятеля проведать.

Мужик несколько мгновений тупо смотрел на КЗ, видимо усваивая информацию, потом вдруг рухнул на землю и заплакал. У КЗ челюсть отвисла. Наконец мужик сел на земле и, размазывая слезы жилистым, загорелым кулаком, забормотал:

– Помрет ведь, убей бог помрет... Черт бы побрал этого американца... Что же я директору скажу... О Господи!

– погоди, мужик, кто помрет-то?

– А-а... – Мужик обреченно махнул рукой, но потом, видимо, решил, что с овцы хоть шерсти клок, можно хоть выговориться, и объяснил: – Парень у нас, норвежец, из какой-то «Беллуны». Скромный такой, тихий, все природу изучал, птиц там, зверей... И черт его дернул на Лебяжье болото пойти, и ведь не сказал никому... – Мужик опять всхлипнул. – Уж больно хороший парень. – Утерся рукавом и продолжал: – Так вот, не сказал никому, а я сегодня туда на тетеревов американца повел с этой девахой-переводчицей. Еще та стерва. Еврейка, а по-

нашему шпарит... – Мужик слегка отвлекся от своих бед, переполненный возмущением, но все же перешел к главному: – Он этого американца заснять хотел, что ли, подполз поближе, а тот возьми да и шарахни по кустам из обоих стволов. И в живот. – Он опять всхлипнул. – Помирает парень. А эта стерва: «Вы должны иметь радио, вы должны немедленно вызвать вертолет», а я уж забыл, когда нам зарплату-то вовремя давали, а она вертолет...

– А что, машину поймать нельзя?

Мужик изумленно уставился на КЗ:

– Ты че, парень? Да здесь до ближнего проселка верст сорок с гаком. Тут, кроме дедовой избы, никакого жилья отродясь не было. Он ведь до пенсии лесником был, с той поры и живет здесь. Ежели б не знахарил помаленьку, никто б совсем к нему и не закахивал.

КЗ поднялся:

– Пошли.

– Куда? – не понял мужик.

– Посмотрим на твоего раненого.

– Так ты вроде как его ученик, стало быть, – обрадовался мужик.

– Да нет пока, – сказал КЗ, – просто в армии пришлось на всякие раны насмотреться.

Нас куда только не совали, одно слово – ВВ, веселые войска.

Раненый лежал на полянке, возле него хлопотала ядреная, крепко сбитая, рыжая девица, обтирая ему губы и лоб мокрой тряпкой. А у края полянки стоял, насупившись, мужчина средних лет с холеным лицом и дорогим ружьем на согнутой руке.

КЗ опустил на колени рядом с раненым, девица окинула его недоверчивым взглядом и фыркнула:

– Дед-то у вас молодой...

КЗ метнул на нее сердитый взгляд и только собрался сказать что-нибудь едкое, как с края поляны раздался голос деда Изи:

– Ум да уменье от годов не зависят. Можно до старости дожить, а все одно дураком быть.

Девица резко повернулась на голос и скривила губы, готовясь ответить, но вдруг уставилась на что-то, разинув рот. КЗ проследил за ее взглядом и присвистнул. А он-то считал, что уже готов ко всему. Рядом с дедом стоял чудовищных размеров бурый медведь. Послышался скрежет металла. Все повернулись на звук. Американец с побелевшим лицом пытался воткнуть в ствол ружья патрон с картечью. Медведь сделал два шага и совсем по-человечьи уселся на свой широченный зад в полушаге от американца. Тот оцепенел. Несколько секунд продолжалась немая сцена. Потом дед Изя, не обращая внимания на замершего американца, подошел к раненому. КЗ, с трудом оторвав взгляд от медведя, уставился на деда. Тот, осмотрев раненого, поднялся с колен и, повернувшись к егерю, спросил:

– Как же вы так?

Мужик замялся.

– Ладно, – дед махнул рукой, – давай вперед, пока мы парня принесем, согреешь воды.

– Да я... – начал было егерь, но передумал и вскочил в седло.

Дед Изя обернулся к американцу. Тот преодолел страх и, протянув руку к медведю, погладил его по грязноватому меху на груди, медведь дружелюбно оскалился и побрел за кусты, дед одобрительно улыбнулся и негромко спросил:

– Добрый человек, зовут-то тебя как?

Девица набрала в грудь воздуха, собираясь переводить, но дед жестом ее остановил. Американец непонимающе посмотрел на нее и неуверенно сказал:

– Phill... э-э-э... Phill Snourt.

– Вот и ладушки. – Дед указал на раненого: – Берите-ка с Иваном парня и несите за мной.

И, не дожидаясь ответа, дед Изя двинулся в лес. Девица растерянно перевела взгляд с деда на американца, а тот, подойдя к КЗ, показал сцепленные руки.

Через полчаса они впятером, вместе с Конрадом и егерем, сидели на лавочке у колодца и ждали результатов дедова врачевания, а девица щебетала:

– Ничего не понимаю. Как он вашего деда-то понял, он же по-русски ни слова... А все, что дед сказал, сделал. Не понимаю...

А еще через два часа дед появился на крылечке и, утирая пот полотняной тряпкой, сказал:

– Жив будет.

Егерь шумно выдохнул, а дед, помолчав, добавил:

– С недельку у меня полежит.

Егерь вскочил и, посмотрев на американца, собрался что-то сказать, но тот сам заговорил, обращаясь к деду Изе и сердито оборвав взглядом девицу, которая начала переводить. Дед выслушал и сказал:

– Ну что ж, в тесноте – не в обиде, оставайся, – и ушел в избу.

Американец довольно вздохнул. А девица расстроено повернулась к КЗ:

– Вот видишь!

Егерь растерянно заговорил:

– Это как же, это что ж, а как же палатка, а снаряжение, а ну как украдут? С меня ж директор шкуру спустит. Это ж каких денег стоит.

– Вот езжай и стереги, а завтра упакуешь и сюда привезешь, – прервал его изливания КЗ.

Когда дед Изя снова появился на пороге, егерь уже сидел в седле. Он подобрал поводья и, ни к кому особо не обращаясь, сказал:

– Ну бывай, завтра к полудню все имущество приволоку. Ночью переспите, а завтра с двумя-то палатками куда как просторней будет. – И, уже поворачив коня, удивленно заметил: – Вот ведь оно как бывает, со всех сторон света собрались, девка с юга, парень с севера, американец этот вообще из Кореи. По жизни и встретиться бы не должны, а вишь как оно... – и дал коню шенкеля.

Дед Изя какое-то время расширившимися глазами смотрел ему вслед, затем перевел взгляд на КЗ. А тот вдруг отчетливо вспомнил слова Сыча, произнесенные в потайной пещерке несколько дней назад:

«И ослепнет мир, и будут люди рождаться и умирать, не зная ни света, ни правды Родовой».

И родится „слепой“, коего взгляд Триглава не сможет в небытье повергнуть.

И отметит его Перун знаком своим, и даст в побратимы с запада, с севера, с востока и юга.

И прозреют они, и вернуться на Родов путь, и придут многие за ними вслед».

## 8

Ужин начался при полном молчании. Дед Изя сервировал стол сам. Как будто готовился к какому-то священнодействию.

В центр стола он положил выделанную звериную шкуру, сушеную рыбину, каравай грубого домашнего хлеба, солидный кусок какого-то желтого металла, граммов этак около четырехсот, отлитый в виде шестигранного прута, и поставил туесок меда. Затем слазил в погреб и достал небольшой бочонок, пробил днище и разлил по берестяным ковшикам густую жидкость медового цвета. Потом сложил на большое деревянное блюдо куски копченой лосины, хлеб и черемшу.

Все присутствующие тихо сидели по углам, чувствуя, что происходит нечто необычное.

Дед Изя наконец закончил, окинул стол придиричивым взглядом и, с какой-то торжественностью заняв место во главе стола, широким жестом указал на лавки:

– Садитесь, дети.

Все молча расселись. Американец, с момента появления на столе металлического обрубка не отрывавший от него взгляда, протянул руку и коснулся металла пальцами. Он вскинул на деда удивленные глаза и прошептал:

– Gold.

Все воззрились на «состояние», лежащее посреди некрашеного деревянного стола в освещенной керосиновой лампой бревенчатой избе посреди дремучего леса. С минуту стояла тишина. За окном шумел лес. КЗ оторвал взгляд от золотого слитка и посмотрел на улицу. По небу стремительно неслись тяжелые черные тучи. «Сыч идет», – подумал КЗ и удивился тому, как обыденно это прозвучало. Как будто в порядке вещей таскать за собой ту погоду, которая тебе больше по нраву.

– Пусть каждый расскажет о себе. – Голос деда прозвучал неожиданно громко. Девушка даже вздрогнула.

И тут КЗ почувствовал, что сегодня решится – быть ему таким же, как дед Изя, Сыч и, видимо, многие другие, которых он пока не знал, но которые непременно где-то есть, или не бывать. КЗ набрал воздуха как перед прыжком в воду, встал и, поймав спокойный, одобрительный взгляд деда Изи, начал:

– Воробьев Иван, детдомовский, где родился, не знаю, но в паспорте стоит Новгород, жены нет, детей нет, в армии отслужил, сейчас в Москве работаю, тремя столовыми управляю, за последний месяц дважды убивали, но жив пока... Силу ищущу, знание, мудрость, ибо жить как раньше – не могу, а как по-другому – не знаю...

Дед Изя кивнул, и КЗ сел на место. Встал Конрад:

– Я Конрад Бауэр, родился в Кёльне, но корни мои в России, здесь последние двести лет жили мои предки. Всю свою жизнь я рос, окруженный любовью и заботой. – Конрад усмехнулся. – Такой славный Михель в коротких штанишках. У меня всегда все получалось, все удавалось, и вдруг жизнь решила показать мне свою черную сторону. – Конрад сглотнул. – Я мечтал быть сильным, я хотел быть знаменитым, а стал живым трупом. Полгода меня возили по лучшим клиникам Германии и Швейцарии, родители извели кучу денег, но все было напрасно. – Конрад сжал кулаки. – Меня привезли сюда за надеждой, и я ее обрел. Вы не поверите, но я еще три дня назад был парализован, совсем, не мог двинуть ни рукой ни ногой... Я хочу знать...

Дед Изя опять кивнул, и Конрад опустил на скамью. Остальные заерзали. Поднялась девушка, задиристо вскинула подбородок и ядовито начала:

– Я вижу тут собрание скаутов, но не понимаю, при чем... – Тут она запнулась, наткнувшись на взгляд деда Изи, тот смотрел доброжелательно, но требовательно. – А впрочем, почему бы и нет. – Она подняла глаза к потолку и, изо всех сил сохраняя независимый вид, заговорила: – Меня зовут Эльха Мендельсон, я из семьи олимпов, родилась в Хайфе, никаких особых талантов у меня нет, и через два месяца у меня свадьба. Вот. – И она села.

Дед Изя встал и степенно поклонился Эльхе:

– Прости, девка, если сможешь, – и перевел взгляд на лежащего на кровати норвежца.

Тот осторожно задрал рубаху и провел по животу, который еще с утра был похож на кусок говяжьей вырезки. Сейчас о происшествии напоминали только белесые полоски шрамов.

– Я зовут Бьерн Борсен, родиться Вадсе, – сказал он, – я есть эколог уже четыре лет, я хочу знать, как вы это делать, я готов оставаться, чтобы узнать, столько, сколько будет надо.

На улице гулко шарахнуло, и через несколько секунд сверкнула молния. Все повернулись к окну. За окном стояла стена воды. КЗ невольно пожалел егеря в палатке. Потом краем глаза уловил движение. Это поднялся американец. Вспоминая эту ночь, КЗ был уверен, что Фил говорил по-английски, да тот и сам был уверен, что тогда по-русски ни бельмеса не знал, однако понял все, что было сказано, а другие поняли его слова. Как это произошло, им до сих пор было неясно. В то время сотворить подобное мог только дед Изя, да и то лишь для себя, они-то ведь

в ту пору были «слепыми». Впрочем, КЗ уже тогда подозревал, что это очередные заморочки Сыча. Кто знает, где пределы сил волхва?

Филу не нужно было знание, не нужны были деньги, ему не грозила опасность, ему нужен был смысл его существования. Он был сыном американского офицера. Родился и вырос в Суване. Судьба к нему благоволила, пока два года назад отец, мать и жена не решили порадовать его единственного сына каникулами в Диснейленде. Фил остался жив только потому, что дела фирмы потребовали задержаться на пару дней. Вечером, проводив семью, он включил телевизор и увидел в программе новостей обломки самолета – это его и сломало. За два года он успел последовательно пройти курсы лечения от алкоголизма, наркомании и психического расстройства, а сейчас реабилитировался охотой, «так что, если мистер целитель может помочь ему, он готов предоставить финансовую поддержку его проекту». За окном шарахнуло два раза подряд, уже достаточно близко. Дед Изя покивал чему-то своему и поднялся:

– Простите, дети, коль что непонятное скажу. Будут у нас еще долгие беседы. Да одно не сказать не могу. – Он помолчал и как-то по-особенному весело продолжил: – Не сами вы сюда пришли, судьба вас привела, судьба да пророчество древнее, что вот уже семьсот лет нашему братству сгинуть не дает. Ибо когда умирал брат Святогор, последний на нынешний день среди вещей волхвов, сказано им было: «И ослепнет мир, и будут люди рождаться и умирать, не зная ни света, ни правды Родовой. И родится „слепой“, коего взгляд Триглава не сможет в небытие повергнуть. – Дед взглянул на КЗ. – И отметит его Перун знаком своим, и даст в побратимы с запада, – он посмотрел на Конрада, – севера, – он перевел взгляд на Бьерна, – с востока, – следующим шел Фил, – и юга».

Эльха, услышав это слово, всхлипнула и жалобно прошептала:

– Мне же надо замуж...

Дед Изя жалеючи посмотрел на нее и продолжал:

– «И прозреют они, и вернуться на Родов путь, и придут многие за ними вслед». Долго братство ждало этого. До сего дня трижды мы обманывались и сегодня не знаем, настал ли день, потому как не было еще Перунова знака. Но ежели так... Уже семьсот лет не ходило по земле Рода Перуново братство, не соединяли пятеро свою судьбу. Может, пришел день?

На улице одновременно сверкнуло и шарахнуло, все вздрогнули от грохота и вновь повернулись к окну. Посреди двора, у колодца, стоял Сыч, одетый в какой-то странный, длинный и мокрый от дождя балахон. В его руках, поднятых к небу, сверкали два прямых обоюдоострых меча. И молнии с чудовищным грохотом мерно били то в один, то в другой, вздыбивая перевязанные шнурком волосы Сыча и сверкая огнями святого Эльма на его лице и плечах.

КЗ вдруг почувствовал, что его неодолимо тянет на двор. Он отодвинулся от сгрудившихся у окна, подошел к двери и под аккомпанемент адского грохота спустился по ступенькам. Сыч повернул к нему свое лицо. КЗ немного удивился, он впервые видел улыбку на лице волхва. В конец меча ударила очередная молния. Сыч опять полыхнул, разбрасывая искры. И тут КЗ шагнул к нему и ухватился за рукояти мечей. Сыч шевельнул пальцами, и КЗ почувствовал, что сам держит мечи остриями вверх. Полыхнуло. Он почувствовал, что волосы встают дыбом, а между рукоятями мечей проскакивают искры. От него повалил пар, одежда, моментально вымокшая до нитки, едва он шагнул за порог, высохла, по всему телу разлилась приятная истома, и КЗ засмеялся. В то же мгновение прекратился дождь. Сыч, отступив на шаг, взмахнул руками и крикнул: «ЗНАК!» В ответ из леса прилетел звук, в котором соединились рык медведя, вой волка, клекот сокола, крик ласки и фырканы выдры.

**СВЕРШИЛОСЬ!!!**

## Часть III Путь Рода

### 1

Волк сидел у края тротуара, упираясь лапами в бордюрный камень. Прохожие опасно оглядывали зверя, удивляясь его размерам, и уважительно обходили стороной. Конечно, они считали его большой собакой, но это была не единственная их ошибка. Рядом с волком стоял по пояс голый, босой человек с перевязанными тонкой берестяной полоской волосами. Несмотря на необычный наряд, человек был чист и аккуратно причесан. Но, похоже, прохожие его совсем не замечали. Только дворник, выбравшийся на теплое майское солнце полить сухой асфальт, обзревая двор из-под ладони, заметил, кажется, что-то необычное, но когда он вновь посмотрел на место, где мелькнуло что-то, напоминающее полуголого человека, то смог увидеть только собаку, слева от нее взгляд никак не задерживался, проскакивая дальше к витому чугунному столбу забора, огораживающего старинный особнячок на окраине Москвы. Терпеливому наблюдателю показалось бы странным, что собака уже долгое время сидит неподвижно. Но таковых поблизости, к счастью, не оказалось, и собака продолжала сидеть.

Из-за поворота показался темно-синий длиннобазный «Мерседес S-600». Он плавно притормозил и остановился у тротуара. С переднего сиденья выскочил крупный мужчина с угрюмым лицом, окинул цепким взглядом сквер, улицу, на несколько мгновений задержал взгляд на собаке и, обойдя машину, открыл заднюю дверцу, привычным жестом засунув руку за лацкан пиджака. Из машины выбрался Станислав Владимирович. Телохранитель захлопнул дверцу. В этот момент Волк снял наговор. Станислав Владимирович испуганно отшатнулся, а телохранитель профессиональным жестом выхватил пистолет. Волк позволил ему довести ствол до уровня своей груди, затем «закрепил» мышцы его руки, отвел глаза и сделал шаг в сторону. Телохранитель высадил магазин менее чем за три секунды. За спиной Волка слышались звон стекла, женский визг, крики. Телохранитель ошалело переводил взгляд то на пустой пистолет со ставшим на затворную задержку затвором, то на Волка, абсолютно невредимого и спокойно стоящего рядом с ним. Станислав Владимирович побледнел, но гордо выпрямился и негромко спросил:

– Вы пришли меня убить, КЗ?

Волк покачал головой и, медленно проговаривая слова, ответил:

– С некоторых пор меня зовут Волк. Что касается вашего вопроса, ответ на него – нет. Сегодня я пришел для того, чтобы кое-кого с вами познакомить. – И коснулся ладонью затылка волка.

Тот шагнул вперед, обнюхал, сморщил нос от отвращения и отошел в сторону. Волк почувствовал, как за спиной нарастает напряжение, и бросил собеседнику:

– До встречи, Станислав Владимирович, – и, перейдя дорогу, ступил под сень огромных платанов. Пройдя десяток шагов, он свернул, обошел дерево, выскочил к небольшому озерцу километрах в трех от того места, где ступил на дерн, и двинул к избушке старейшины Изяслава.

Станислав Владимирович жестом отпустил подбежавшую охрану, похлопал по плечу ошеломленного и расстроенного телохранителя и, тяжело ступая, будто постарев лет на двадцать, поднялся по ступенькам в особняк. На втором этаже он подошел к высокой двустворчатой двери, открыл и замер на пороге. В глубине кабинета, у окна, стоял человек. Станислав Владимирович помялся на пороге, потом вошел.

– Добрый день...

– Я видел, – оборвал его негромкий голос, – если вы хотите продолжать наше сотрудничество, вам придется сначала решить ваши проблемы.

Станислав Владимирович облизал внезапно пересохшие губы. Человек брезгливо посмотрел на него.

– Не нервничайте. – Он открыл кожаную папку, которую держал в руках, и протянул ему папку тоненьких листков в прозрачной пластиковой обложке.

Станислав Владимирович взял бумаги, но просматривать не решился. Гость молча вышел.

Когда за посетителем закрылась тяжелая дверь, Станислав Владимирович грузно опустился на изящное итальянское канапе. Посидев несколько минут и успокоив сердцебиение, он подошел к столу и просмотрел бумаги. Из них следовало, что именно он был владельцем этого особняка последние семь лет. И именно его фирма организовывала, проводила и награждала победительниц всех полуподпольных конкурсов красоты и проводила еще около полусотни различных мероприятий, исследований и иных акций, каждая из которых была бомбой замедленного действия. Станислав Владимирович захлопнул папку и скрипнул зубами. Из него явно сделали громоотвод. Если хотя бы что-нибудь сработает, он рухнет. Но только он один. Станислав Владимирович тяжело вздохнул. Все было верно. В их не скрепленном никакими договорами, но от этого еще более эффективно действующем картеле он отвечал за внешнюю безопасность. И все, что сейчас происходит, – исключительно его вина. Плохо, чудовищно плохо выполненная работа. Он с полчаса поразмышлял, а не сбежать ли куда-нибудь за кордон, но пока отбросил эту идею. Все его счета и контакты контролировались плотно, поэтому и сбежать можно было только после успешного завершения или хорошо разыгранного крушения. Так, чтобы полностью отместить подозрения от остальных. А иначе... Он взял телефон и набрал номер:

– Константин? Найди Эдуарда и зайди ко мне.

Вскоре в кабинете возникли два высоких, мускулистых помощника. Станислав Владимирович, нацепив на нос очки, что-то набрасывал у себя в блокноте.

– Садитесь, ребятки. – Хозяин черкнул еще несколько строк и поднял глаза на вошедших. – У нас проблема, ребятки. – Он снял очки и задумчиво посмотрел в окно. – Давняя, прямо скажем, но сегодня вставшая перед нами в полный рост. И нам предложено ее решить, или...

Двое спокойно смотрели на шефа. Но в глубине глаз у каждого тихо тлел огонек тревоги. Еще никогда на их памяти он не начинал так издавека. Раньше они заходили в этот кабинет, чтобы получить ясные, четкие и конкретные распоряжения. Но после того, что произошло сегодня буквально на пороге, удивляться было нечему.

– Эдуард, немедленно сворачивай производство кинопродукции, оповести клиентов, что мы замораживаем новые проекты.

– Но...

– Молчи! Все они должны были предполагать, что, производя такой уникальный продукт, мы рано или поздно должны будем столкнуться с некоторыми трудностями, так что они должны быть готовы... А если нет, что ж, это их проблемы. Дальше. Свяжись с префектом, я хочу, чтобы в радиусе километра от этих стен не осталось ни деревца, ни кустика, ни герани на окнах. Пусть придумывает что хочет: реконструкцию улиц, массовые заболевания комнатных растений, вспышку аллергии, устрой все необходимые документы, но чтоб через неделю все было в ажуре. Понял?

Эдуард кивнул, тщательно скрывая недоумение. Станислав Владимирович представил, какие мысли шевелятся в его голове, поморщился и продолжил:

– Скупить квартиры, адреса вот. – Он протянул листок, на котором писал в момент их прихода. – Подготовить в каждой места ночлега на двух-трех человек и установить приборы ночного видения. С тобой пока все. Свободен.

Дождавшись, пока Эдуард вышел, хозяин посмотрел на Константина:

– Я думаю, ты понял, о ком пойдет речь?

Константин коротко кивнул.

– Узнай о нем все, что возможно. – Станислав Владимирович замолчал, представив пухлую папку, лежащую в сейфе, и негромко добавил: – И невозможно. Особенно о последних полутора годах. Я знаю... – Он вскинул ладонь, предупреждая возможный вопрос. – Но, похоже, все то, что мы считали пьяной бредятиной или галлюцинациями наркоманов, имеет под собой довольно веские основания.

Константин молчал, он успел уже немного расспросить ошарашенного «бодигарда». Станислав Владимирович снова заговорил:

– До сих пор я не понимал, как это мы не сумели за полтора года отыскать его следов, но теперь... – И он со вздохом закончил: – Завтра полетишь в Дюссельдорф, своих силенок тут не хватит. А сегодня, – шеф открыл портмоне и протянул сложенный листок бумаги, – проедешь по этим адресам и привезешь указанных там людей. – Он искривил губы в мертвенно-злой улыбке. – Я думаю, что он будет рад с ними повидаться, когда зайвится.

Едва за Константином закрылась дверь, Станислав Владимирович устало откинулся в кресле. Ему отчаянно захотелось молодости, здоровья, силы, этакой всепожирающей мощи, и он вдруг смутно представил себя неким существом с мощными мышцами, страшными когтями и тяжелыми, кожистыми крыльями за спиной. Через несколько мгновений наваждение прошло. Станислав Владимирович испуганно потряс головой, пробормотал:

– Привидится же такое, – и вышел из кабинета. Когда он закрывал за собой дверь, ему показалось, что туча, с обеда висевшая над городом, вдруг повернула одну из трех своих призрачных голов и посмотрела на него через окно.

## 2

Иван перемахнул знакомый овражек и обнаружил, что вместо одной привычной тропки у старой сосны его поджидает развилка. Волхв приглашал его к святилищу. Волк повернулся к серому брату и ласково сказал:

– Спасибо за помощь, брат.

Проследив, как зверь скрывается в лесу, Волк споро двинул по левой тропинке, не обращая внимания на то, как она исчезает за ним, превращаясь в ровный, однородный ковер пожухлых листьев, игл и молодой травы, дружно пробивающейся на свет.

Ворота святилища были распахнуты, и Сыч мирно сидел у идола Перуна, что-то неторопливо вырезая ножом. Волк остановился в проеме ворот и низко поклонился, коснувшись дерна кончиками пальцев:

– Приветствую тебя, мудрейший. Дозволишь ли войти?

Сыч, не поднимая глаз, указал рукой на место пред собой. Волк опустился на землю. Сыч вздохнул и посмотрел на небо, как обычно затянутое тучами.

– Встречался с меченым?

Волк молчал, можно ли что-то скрыть от волхва?

– Зачем он тебе?

– Судьба, мудрейший. Нам нет места на Земле обоим.

– Он слаб. Он слеп. Он обречен. Оставь его в его юдоли.

Волк задумчиво прикусил травинку:

– Возможно. Однако на нем не только печать Триглава, на нем отблеск его знака.

Волхв удивленно посмотрел на Волка:

– Ты сумел различить?

– Может быть, я и ошибаюсь. Посмотри сам, мудрейший. – И Волк придвинул лицо к самым глазам Сыча.

Тот, прищурившись, взгляделся куда-то глубоко внутрь и молвил:

– Велик твой дар, отрок. Не всякий старейшина такое узрит.

Некоторое время они молчали, как бы уравнивая ритмы своих мыслей: резвый, живой у ученика и спокойный, но глубокий, как океан, у учителя. Сыч отложил в сторону простую деревянную фигурку и спросил:

– Что еще ты увидел в нем?

Волк задумался. Он еще не был уверен в своем умении различать знаки и оттенки судьбы. Но эта судьба была накрепко связана с его.

– Связан он со мной, мудрейший, крепко связан, но он всего лишь звено. Я не знаю, кто за ним. Но тот почему-то не слабее меня. И на нем знак Триглава. Он что, его слуга? Как это может быть, мудрейший?

Сыч покачал головой и сделал знак оберега, как делал всегда, когда заходила речь о Триглаве.

– Я расскажу. – Он помолчал, собираясь с мыслями. – Есть люди сильные по природе своей, и взгляд Триглава не сразу ввергает их в небытие. Они живут, отмеченные знаком бога, и это дает им великую силу. Они не знают этого, ибо знание – это дар, а Триглав никогда и никому не делает даров. Просто очень часто они залучают под руку свою большую силу и власть. Ибо люди, поклоняющиеся власти, чувствуют их знак и признают их равными себе либо выше себя. Но, даже не убив, Триглавов взор их калечит. – Волхв вздохнул. – Тяжек их конец. Ни один спокойно не ушел с этой земли. Кто ужасной болезнью умер. Кого предали. Кто обезумел. Но пока они под тяжестью знака еще не согнулись – большая сила у них.

Сыч замолчал. Волк, благодаря, наклонил голову. И мало сказано, а и много. Все, что недосказано, ученик должен понять сам. Редко когда волхв так прямо отвечал на вопрос. Ученики до всего своим умом доходили. Волк не раз вспоминал его слова: «Захочешь – узнаешь». Много он узнал за прошедшие полтора года, и вроде бы сам, ан нет. Много ли узнаешь, не зная, как и какие вопросы задавать. Даже самому себе.

– Вот что, – волхв поднялся на ноги, – а ночуйка ты здесь сегодня. Может, что боги подскажут. Как-никак полная луна.

Ближе к вечеру к Волку пришел младший Медведь. Иван почувствовал его приближение задолго до того, как знакомая широкоплечая фигура появилась в проеме ворот.

– Привет, брат.

Конрад, увидя Ивана, сидящего у стены на мягкой земле, расплылся в улыбке. За прошедшие полтора года все пятеро не просто сроднились, а прямо-таки срослись друг с другом. Волк и не знал, что может быть такое единение. Конрад присел рядышком:

– Что, мудрейший оставил с богами говорить?

Волк улыбнулся:

– Очередной приступ скепсиса?

– Перестань, – отмахнулся Конрад. – Неужели ты и вправду веришь во всех этих богов?

– Я могу верить или не верить, – ответил Волк, – но это работает. Как ты это объяснишь?

Конрад задумчиво тряхнул головой, откидывая назад пряди изрядно отросших белокурых волос:

– Не знаю. – Потом поправился: – Пока не знаю. Но узнаю, вот увидишь.

– Ну и на здоровье. – Волк посмотрел на узелок: – Пшеничные блинчики?

Конрад засмеялся:

– Эльха расстаралась. Как узнала, что тебя мудрейший ночевать в святилище оставил, – тут же дым коромыслом – и вот тебе гостинец.

– Оставь. Кто ж с богами на сытый желудок разговаривает? На сытый желудок спят. Так что это до утра.

Конрад улыбнулся, затем сосредоточился и провел рукой над узелком, бормоча наговор. Это составляло такой контраст с его убеждением, что все наговоры – ерунда, самогипноз и галлюцинации, что Иван невольно хмыкнул. Медведь невозмутимо заметил:

– Ты же сам сказал – действует.

Проводив брата, Волк запер легкие воротины и наложил заклятие оберега. Ограждение святилища теперь составляло замкнутый круг. Волк подошел к священному кострищу и улегся на землю, устремив взгляд в засыпанное звездами небо. Ему казалось, что с этой небольшой круглой площадки видно намного больше звезд, чем с любого другого места. И, как всегда, мысли поплыли куда-то вдаль, и ему припомнился первый день, точнее даже утро сразу после той памятной грозы.

### 3

Они шли сквозь лес, наполненный туманом, и казалось, что они ступают не по мху, переполненному водой после ночного ливня, а по небесному своду в Вирые, лесу-рае древних славян. Деревья становились все величественнее, ели и сосны превратились в настоящих лесных великанов. КЗ никогда и не подозревал о существовании *такого* леса. Наконец в прогалине между деревьями показался забор из заостренных бревен. Каждое бревнышко было ровненьким, круглым и золотистым, будто забор только что поставили. Сыч, подойдя к воротам, низко, до земли поклонился межвратному столбу, на котором было грубо вырезано чье-то лицо, и, взявшись за обе створки, резко, рывком раскрыл их. В центре святилища оказалось старое кострище, на котором с полным презрением к искусству кострового были навалены чудовищные комели. Они лежали, переплетаясь корнями, будто некий великан скатал из них шарик и кинул сюда. Вокруг кострища было вкопано несколько идолов, а с внутренней стороны частокола висели искусно вырезанные маски волка, медведя, выдры, ласки и изображение парящего сокола. КЗ прямо потянуло под маску волка. Когда он занял свое место, то увидел, что все точно так же, как он, разошлись по маскам. Сыч оглядел присутствующих, кивнул деду Изе и опустился на колени. Дед затянул какую-то песнь. Мотив был тягучий, но ритмичный. Сыч протянул руки над кострищем, и внутри сплетения корней полыхнуло. Пламя гулко ударило во все стороны, да так, что КЗ, стоявший раза в четыре дальше от костра, чем Сыч, почувствовал на лице нестерпимый жар, но тут пламя опало, и костер занялся с ровным, спокойным гулом. Дед Изя торжественно обошел всех по кругу и отрезал по пряди волос, а затем с выкриком:

– Прими, Перун, дары детей своих, – швырнул в костер все, что лежало в тот день в центре трапезного стола, и пряди их волос.

Пламя взметнулось, как будто кто-то плеснул бензина в самую середину, и опало вновь.

Потом начались будни.

Сначала они вроде бы и ничему не учились. Собирали ягоды, орехи, грибы, шишки, рубили и таскали дрова. И много позже, исподволь КЗ стал замечать, что все делается как-то необычно. Дед Изя выбирал в лесу сухую лесину, и они срубали ее и впятером тащили до избы. Но с каждым разом лесины становились все тяжелей, нести их было все дальше, а маршрут вдруг начинал петлять по оврагам и склонам. То же и с орехами. Сначала их просто срывали, потом Сыч заставил их отщипывать орехи с веток пальцами. Потом дед Изя стал давать маленькие мешочки, и, отщипывая орехи, приходилось держать мешочки за горловину мизинцем и безымянным пальцем, а средним то перехватывать мешок, то помогать отщипы-

вать орехи. Когда выпал первый снег, Сыч затеял игру в загадки. Каждый вечер по очереди они садились у печи и загадывали загадки. Причем на все ответы нужно было говорить: «Неправильно». А остальные должны были узнать, какое из «неправильно» – ложь. Конрад было вылез с заявлением, что это невозможно. Но когда КЗ на загадки Фила, заданные на английском, выдал стопроцентный результат, выступать прекратил и постарался повторить.

– Запомни, отрок, – напутствовал его дед Изя, – человек может все, что захочет.

На зимний солнцеворот Сыч поднял их в полночь и повел на Ильмень. Эльха даже повозмущалась, что в столь жуткий мороз, а было градусов двадцать пять, их волокут лесом, ночью, в одних полотняных рубахах и босыми. Но в общем-то все привыкли к вывертам Сыча, который вроде бы тебя и не трогает, а заставляет сделать такое, от чего, расскажи кому, волосы дыбом. Когда к рассвету они стояли у проруби, Сыч указал на тонкий ледок, затянувший за ночь поверхность воды, и сказал:

– Нырятье.

Эльха взбеленилась:

– Тащат через весь лес босую и голую, а теперь еще топиться предлагают. Да кто вы такие так со мной обращаться?

Сыч покачал головой и негромко сказал:

– Не бойся, делай. Коль сумеешь сегодня свой страх оседлать, он никогда больше тебе помешать не сможет, наоборот, помощником тебе станет.

КЗ рухнул в воду первым. Ледяная вода обожгла. Тонкая корка льда пошла кусками. Через минуту все, кроме Эльхи, плескались в проруби. Когда они вылезли, Сыч ласково улыбнулся Эльхе:

– Не бойся, человек может все, что захочет.

– И по воде пройти аки посуху? – ехидно поинтересовалась Эльха.

Сыч вздохнул и сердито пошлепал по поверхности воды к противоположному краю. Ступив на лед, он повернулся и выжидающе посмотрел на Эльху. Та захлопнула разинутый рот, сердито зыркнула на глазающих побратимов и, скинув рубаху, сиганула в прорубь.

К исходу зимы они научились чувствовать друг друга метров с трехсот. Угадывали все загадки и понимали друг друга, беседуя каждый на своем языке: Эльха на иврите, Конрад на немецком, Фил на английском, а Бьерн на норвежском. У Конрада по этому поводу имелась масса гипотез: начиная от взаимодействия электромагнитных полей мозга и кончая информационным полем Земли.

По весне из них поперло что-то первобытное, животное. Однажды поутру Сыч вывел их за ограду и, указав на лес, в котором только появились первые прогалины, сказал:

– Вот вам дом, обживите его, обратно жду на Красную горку, – и ушел в дом.

Они постояли, переглядываясь, потом припомнили: «Человек может все, что захочет» – и разошлись. Через пару дней КЗ, устраиваясь на ночлег под раскидистой сосной, почувствовал, как кто-то из побратимов приблизился к нему. Он подождал немного. Но тот, дав почувствовать свое присутствие, остановился. У КЗ екнуло. Он не торопясь выбрался со своего логовища и пошел в сторону зова. Эльха ждала его, сидя на поваленном дереве. Когда КЗ подошел вплотную, она поднялась ему навстречу, улыбнулась как хозяйка ночи и провела рукой по волосам. КЗ почувствовал, как кровь вскипела в жилах, а девушка скинула платье и потянула его рубашку. Похоже, за ту ночь они до основания растопили солидный сугроб, на который в нетерпении повалились. Утром Эльха ушла, улыбаясь, точно кошка, умявшая тазик сливок. А через неделю вернулась. И до самой Красной горки они расставались лишь на день-два. И, в отличие от той первой отлучки, после каждой последующей Эльха набрасывалась на него с какой-то первобытной жадностью. Но, когда они вернулись, все отступило и незаметно сошло на нет.

Летом Сыч обучал их воинской премудрости.

– Перун – бог воинов и все свои дары защитникам и заступникам земли Родовой вручил, посему прямая наша обязанность всему этому обучиться.

Конрад тут же оседлал своего конька и стал развивать теорию о возникновении Сычовых премудростей от безысходности.

– Нет, вы посмотрите, – горячился он, – со степи волны идут, сначала гунны, потом саксы, потом аланы, все этими местами прошли, да и других народов сотни, что мы не знаем. Кто из них исчез, кого следующая волна с места сдвинула. Саксов вон до Британских островов оттеснили, а славяне удержались. Хазар отбросили, половцев, печенегов, – перечислял он, старательно выговаривая имена народов, известных по зимним сказам старейшины Изяслава, – за счет чего? Вот ведь ответ – Собор Перуна. Создали генерацию воинов, способных малым числом держать степь.

По осени Сыч опять вывел их за ограду и указал в сторону леса:

– Пора вам младших братьев искать.

Неделю КЗ бродил по укромным урочищам, прислушиваясь к глубинным ощущениям, и наконец однажды под утро он проснулся как от толчка. Где-то недалеко шла охота. Он вскочил на ноги и помчался сквозь лес. Вскоре он вылетел на пригорок и притормозил. Внизу, на небольшой прогалине, стояли друг против друга красавец лось и крупный, матерый волчара. КЗ захлестнула волна волчьих ощущений. Он на несколько секунд замер, привыкая к новому чувству единения с сильным, могучим зверем, а потом осторожно двинулся вперед, приближаясь к лосю. Волк почувствовал его. На несколько мгновений растерялся от неожиданности. И лось, угадав эту растерянность, прыгнул, загибая рога. Но КЗ оказался быстрее. И огромный, горделивый зверь рухнул рядом с волком с порванным человеческой рукой горлом. Напившись крови и наевшись до отвала сырого мяса, КЗ и волк посмотрели друг другу в глаза. КЗ поднялся и пошел к дедовой избе. Волк постоял немного, будто раздумывая, потом шумно выдохнул и скачками помчался догонять человека.

Они вернулись последними. Когда они на пару перемахнули ограду, от колодца поднялись лохматые и даже чем-то похожие Конрад и медведь. Ласка на плече Эльхи вскинула мордочку, в вышине послышался клекот сокола, а Бьерн, почесав лежащую у его ног крупную выдру, улыбнулся и сказал:

– Вот и Волк вернулся. Теперь все в сборе.

## 4

Утром Волк проснулся с ощущением близкого расставания. Чем бы там ни являлись эти вещи сны, волей Перуна, или самого Рода-прародителя, или, как считал Конрад, результатом работы глубинных слоев подсознания, но с тех пор как Волк научился обращаться к воле богов, они его ни разу не подвели. Волк полежал еще немного, приводя в порядок мысли и ощущения, потом встал и подошел к воротам.

За воротами его ждал Сыч. Даже волхв не смеет разомкнуть круг ограды, пока общающийся с богами не сделает это сам. Поглядев на Волка, он сразу все понял:

– Уходишь?

Волк склонился в глубоком поклоне:

– Благослови, мудрейший.

Сыч неторопливо подошел к идолу Перуна и провел сухими, узловатыми пальцами по грубо обозначенным рельефным рукам.

– Сядь.

Волк молча повиновался.

– Говори.

– Виделось мне: волк с кабаньим выводком схватился. Деревья и кусты поломаны, береза молодая соком истекла. Волк сильнее, весь выводок положил, но самый матерый кабан в бой не вступил. Издали посмотрел и ушел. – Волк напряженно смотрел на Сыча. – И ушел совсем не потому, что слабее, но вот почему, я не понял, мудрейший...

Сыч заглянул в зрачки ученика и покачал головой:

– Это он, отрок, – Сыч вынырнул из глубин Ивановой памяти, – тот, кто отмечен знаком Триглава.

– Я догадался, мудрейший, – сказал Волк. – Но почему он ушел?

– В этот раз боги дают вам только встречу. Поединок будет позже. Но будет обязательно. Ты не увидел – он ушел волчьей тропой, значит, ей он и вернется.

От ворот послышался шорох. Собеседники повернули головы. В воротах стоял старейшина Изяслав, а за ним маячили остальные. Старейшина, тяжело ступая, двинулся в глубь святилища, переводя с волхва на Волка вопросительный взгляд.

– Ты был прав, старый Медведь, – произнес Сыч. – Они уходят.

Волк удивленно уставился на них.

– Но ведь сон касался только меня? – сделал большие глаза Волк.

Волхв грустно улыбнулся:

– Этот да, но теперь каждый увидит свой сон. Пришло время отрокам уходить в мир, становиться воинами. Где бы вы теперь ни были – вы вместе, однако, держась за родительский подол, сильнее не станешь.

– Но я думал, что, выполнив предопределенное, вернусь, – горестно молвил Волк. – Мне же еще так много надо узнать!

Сыч грустно улыбнулся:

– Захочешь – узнаешь. – И, потрепав его по плечу, добавил: – Ты же теперь знаешь как...

– Ну, дети мои, – обратился он к остальным, – чей сегодня черед?

Вперед шагнул Бьерн. Волк посмотрел ему в глаза и еле слышно прошептал: «Хом-м». Выдра улыбнулся. Перед самой инициацией, буквально за неделю до того, как они отправились искать своих младших, Волк и Выдра затеяли потасовку. Оба когда-то занимались борьбой и никак не могли понять, почему старшие не устраивают ничего подобного спаррингам. Вот они и начали возиться на дворе.

Волк пришел в себя, лежа на траве, прижатый к дерну телами старейшины и Конрада, а Бьерна держали остальные. Сыч стоял посредине и гневно взирал одновременно на обоих. Как это у него получалось, Волк не понял, однако позже научился подобному сам.

– Никогда, запомните, НИКОГДА вы не должны биться между собой.

Позже, когда они чинили разнесенную в щепки ограду, ладили новый сруб на колодец и перебирали выбитые венцы стены, Волк спросил у Бьерна:

– Слушай, а что ты чувствовал?

– Я не помню, – отозвался Выдра. – Конрад рассказывал, что я бормотал что-то вроде «Хом-м» и волосы стояли дыбом. – Он провел по свежезатянувшимся шрамам на левом плече и груди. – Говорят, ты меня чуть на куски не порвал.

– Ага, – отозвался Волк, – а мне говорят, что еще немного, и ты отвинтил бы мне голову.

Они посмотрели на свежеврытые столбы ограды, новые венцы колодезного сруба, Волк вздохнул и подвел итог:

– В общем, можно поверить, – после чего они расхохотались.

С тех пор это «Хом-м» стало как бы своеобразным паролем, пожеланием удачи для них двоих.

Три следующих дня Эльха не отходила от Ивана ни на шаг, а ночью... Это было сплошное безумие. В последнюю ночь она, закрывая ворота, шепнула ему:

– Вот увидишь, у нас с тобой одна дорога.

Утром, когда открылись ворота святилища, Эльха появилась на пороге странно притихшая. Все ждали, что она скажет. А она, оглядев всех грустными глазами, задержала взгляд на Иване и, коротко вздохнув, произнесла:

– Мне надо домой.

Утром следующего дня дом опустел.

## 5

Ольга отжала тряпку и затолкала ее под ванну. Радио пропикало три, пора было идти в магазин. Женьку с утра забрала бабушка, поэтому выходной выдался спокойный. Можно было заняться хозяйством, что она и сделала. Ольга оделась, на секунду задержалась у зеркала в прихожей, поправила волосы и бросила прощальный взгляд на маленькую фотокарточку мужа (слава богу, Сашеньку все-таки удалось пристроить на эту специальную зону для бывших милиционеров, а то все время грозились отправить на обычную). Она вздохнула, распахнула входную дверь и оцепенела. На пороге стоял он. С минуту они просто смотрели друг на друга. Потом он мягко спросил:

– Можно войти?

Ольга вздрогнула от звука его голоса и, внезапно осипнув, спросила:

– Ты пришел меня убить?

Он покачал головой. Ольге вдруг отчаянно захотелось убежать, исчезнуть, почти безнадежно она предложила:

– Заходи, мне в магазин надо, ты посиди, я скоро.

И тут произошло чудо. Он просто сказал:

– Хорошо. Только, если позволишь, я бы хотел сделать пару звонков.

– Конечно, пожалуйста.

Ольга пропустила его в квартиру, захлопнула дверь и пулей вылетела на улицу. Добежав до ближайшего телефона-автомата, она судорожно набрала номер и, услышав знакомый голос, выпалила:

– Он здесь.

На том конце провода осторожно поинтересовались:

– Это вы, Ольга Алексеевна?

– Да, да, Сергей Петрович, он здесь.

– Кто? Александр?!

– Да нет, – Ольга поморщилась, досадуя на непонятливость собеседника, – этот, КЗ, ну Воробьев. Сидит у меня в квартире.

– Как у вас в квартире? А откуда вы звоните?

– Из автомата, я собралась в магазин, открыла дверь, а он на пороге, я растерялась, а он так вежливо спрашивает: «Можно войти?» Сволочь!

– И вы его впустили?! – изумился голос.

– А что я могла сделать? – сварливо отозвалась Ольга.

– Ладно, это сейчас не важно. Слушайте меня внимательно: посмотрите по сторонам, нет ли в опасной близости каких-либо лиц?

Ольга осторожно огляделась. Вокруг не было ничего необычного, случайные прохожие. Даже лавочки в скверике были пусты.

– Нет, ничего подозрительного.

– С какого автомата вы звоните?

– Да рядом с домом, у метро.

– Оставайтесь на месте, мы сейчас будем. Если кто-то попытается приблизиться, визжите, кричите и постарайтесь воткнуться в толпу.

– Как-то неудобно.

– Ничего, лучше показаться ненормальной, чем стать мертвой, – жестко ответил голос.

Через десять минут у метро остановился знакомый микроавтобус. Ребята споро выскочили из салона и не торопясь двинулись во двор. Сергей Петрович подошел к ней:

– Кто остался с ним в квартире?

– Никого.

– Как? – изумился он.

Ольга тоже вдруг почувствовала некоторую нестыковку с образом полного подонка, который она нарисовала в собственном воображении, но потом приободрилась:

– Он спросил разрешения сделать пару звонков, может, подельникам звонил.

– Странно, ну да ладно. Веня, – он кивнул одному из парней, тот рысью подскочил к ним, – он побудет с вами, пока мы не закончим, а я бы попросил ключи.

– Может, мне пойти с вами?

Сергей Петрович покачал головой:

– Нет. Прошлый его приход к вам закончился для него плачевно, поэтому надо быть полным идиотом, чтобы не предположить, что вы не свяжетесь с нами. Значит, он что-то задумал. Так что рисковать вам нет никакого смысла.

Когда опергруппа ворвалась в квартиру, там никого не оказалось. Осмотрев помещение, старший вызвал Старика:

– Первый, пусто.

– Что ж, этого следовало ожидать.

Через несколько минут Старик поднялся вместе с хозяйкой. И тут... В кресле у окна вдруг обнаружился человек. Он возник рядом со Стариком и хозяйкой, когда ребята уже убрали пистолеты в кобуры, так что в первые секунды все просто замерли, а человек улыбнулся и заговорил:

– Добрый день, прошу прощения за свою маленькую хитрость, но наша прошлая встреча мне не очень понравилась. А поскольку нынешняя встреча необходима нам всем, я принял некоторые меры, дабы вновь не возникло недоразумений.

Старик повернулся к старшему и резко вскинул руку:

– Спокойно, капитан. – И обратился к собеседнику: – Вы хотите поговорить со мной?

– Мне кажется, Ольга Алексеевна тоже имеет право знать то, о чем я расскажу. Впрочем, если она откажется меня слушать, я не смею ее принуждать.

Ольга, во время этого короткого разговора пытавшаяся прийти в себя, вдруг успокоилась и спросила:

– Вы будете говорить о Саше?

– Не совсем, но то, о чем я расскажу, имеет непосредственное отношение к его сегодняшнему положению.

– Тогда я останусь.

– Капитан, подождите в соседней комнате, – приказал Сергей Петрович.

Капитан наградил сидящего в кресле свирепым взглядом и, зная, что со Стариком спорить бесполезно, вывел людей из комнаты. Сергей Петрович подвинул стул Ольге и уселся сам.

– С вашего разрешения, я бы хотел дожидаться еще одного человека, он будет с минуты на минуту, – произнес гость.

– Мне сказать ребятам, чтоб пропустили?

Гость покачал головой:

– Я думаю, не стоит, его пропустят и так. Кстати, по-моему, это он.

За дверью послышались голоса, потом дверь отворилась, и Сергей Петрович с удивлением узнал следователя прокуратуры Баргина. Тот весело поздоровался:

– День добрый всей компании. – Он взглянул на странного посетителя: – Рад видеть вас живым и здоровым, Иван Сергеевич, вот принес плеер, как вы просили. – Он подошел к телевизору, подсоединил к нему видеоплеер и уселся в кресло.

– Ну давайте проливайте свет на это туманное дело. Меня ведь чуть не подставили тогда, полтора года назад. Слава богу, успел заметить конверт, который подсунули ваши так называемые «конвоиры».

Сергей Петрович удивленно воззрился на Баргина, а тот усмехнулся:

– Ты хоть знаешь, уважаемый, что перед тобой привидение сидит?

Сергей Петрович с сосредоточенным видом откинулся в кресле, приготовившись перевернуть ворох парадоксальных, как он предполагал, фактов, ибо подобное начало беседы для Баргина было явно нетрадиционным. Следовательно, заметив сосредоточенность собеседника, удовлетворенно кивнул:

– Меня на взятке трижды пытались поймать, так что я жук тертый, а тут одно к одному, ну кто выдерживает подследственного с первого допроса? Да и еще кое-какие мелочи... Так что как только его увели, я тут же начал бумаги ворошить, а потом плащ, тут-то конвертик и нашел. Меня, понятное дело, заело. Звякнул шефу, в экспертный отдел, и только мы этот конверт потрошить начали, врываются эти... Короче, ошибочка вышла, на конвертике ни моих, ни его, – он кивнул на посетителя, – пальчиков нет, а когда к вечеру у меня дело затребовали, все совсем ясенько стало.

– Ну а при чем тут привидение?

Баргин хитро сощурился:

– А ты спроси его, где он сидел?

Сергей Петрович покачал головой:

– Значит, полтора года в СИЗО. Странно, уж больно крепко на вас дело слепили, даже мы были уверены.

– Не угадал. – Следовательно довольно рассмеялся.

Сергей Петрович удивленно вскинул брови.

– Я же тебе сказал, что он привидение. – Баргин выдержал драматическую паузу. – Нигде.

– То есть?

– Вот так, уважаемый, от меня увезли чин чинарем, под конвоем, да только никуда не привезли. И никакого побега не зафиксировано. Пропал человек. – Он обратился к молча сидевшему у окна посетителю: – Я был уверен, что вы мертвы, но то, как орудовали эти ребята, меня возмутило. Поэтому кое-какие материальчики я поднакопил, кое-что отксерил, а кое-что и в подлиннике приберег, вдруг, думаю, подвернется удобный случай.

Сергей Петрович хотел что-то спросить, но тут раздался мягкий голос гостя:

– Прошу вас, все вопросы после, у нас не так много времени, а я хочу описать события, с которых все и началось. – И, дождавшись, когда все внимание вновь было направлено на него, Волк начал: – Полтора года назад, девятнадцатого августа, около семнадцати часов, меня убили.

## 6

Он почувствовал, что у Сергея Евгеньевича происходит что-то неладное, уже выйдя из метро. Проводив взглядом хищный серый силуэт, скрывшийся в зарослях, тянущихся вдоль железнодорожного полотна, Волк направился в сторону заведения. Время было обеденное, однако столовая была явно пуста, а у дверей топтался какой-то парень с бычьей шеей. Волк протянул руку к двери. Парень двинул плечом и раздраженно рявкнул:

– Не видишь, закрыто!

Волк медленно опустил руку и повернулся к парню, почувствовав, как зашумело в ушах, а в глазах полыхнуло красным. Парень вдруг отшатнулся и, отдернув руку, будто обжегшись, забормотал:

– А я че, да я ж ниче, ежли ж по делу, то че ж я-то... – и, окончательно запутавшись в частицах и междометиях, замолчал, боязливо отведя глаза.

Волк толкнул дверь и вошел внутрь.

В столовой царил полный разгром. Переломанная мебель была сдвинута к окнам, а в углу обеденного зала, за единственным целым столиком, сидел какой-то тип в кожаном пальто. Перед ним двое «качков», заломив руки, держали Сергея Евгеньевича на коленях, а третий лениво бил его по лицу.

Когда хлопнула дверь, все четверо оглянулись, а Сергей Евгеньевич повис на руках, опустив разбитое в кровь лицо. Что хорошего он мог ждать от хлопнувшей двери? Волк почувствовал, что вот-вот потеряет над собой контроль, и усилием воли загнал зверя в себе поглубже. «Кожаное пальто» недоуменно хмыкнул. Избивавший Сергея Евгеньевича «качок», услышав этот звук, двинулся к Волку:

– Ты кто?

Волк выровнял дыхание и, как мог спокойно, ответил:

– Я – хозяин этого заведения. – И, выдержав паузу, спросил: – Что здесь происходит?

«Кожаный» резво развернулся к Сергею Евгеньевичу, который замер, услышав знакомый голос, медленно процедил:

– Ты, козел, что за понты?

Сергей Евгеньевич улыбнулся разбитыми губами и прохрипел:

– Иван... вернулся...

«Кожаный» удивленно покрутил головой.

– Так ты не труп? – Он широко ощерился и хлопнул ладонью по стулу: – Садись, есть базар. – Потом, проследив направление его взгляда, бросил «качкам»: – Отпустить. – И опять повернулся к Волку: – Не бойсь, мы не кровожадные, просто поучили твоего старичка, как себя вести.

Волк присел на указанный стул.

– Вот и ладушки, – одобрил «кожаный», – сразу видно умного человека, а твой, – он мотнул головой, – сразу начал понты гнать, ну и заработал. – Он довольно хохотнул и извлек из кармана плаща какие-то листки. – Во, подпиши.

Волк взял листки и стал просматривать. «Кожаный» резко протянул руку и сгреб листки.

– Слушай, чмо, я же тебе сказал подписать, а не читать.

Волк поднял на него глаза и позволил зверю в себе чуть-чуть высунуться. «Кожаный» отшатнулся как от удара.

– Ты че, чувак? – Голос у него явно подсел.

– Я, не читая, ничего не подписываю. – Волк выдернул листки из онемевших пальцев собеседника.

Несколько минут был слышен только шелест страниц, наконец Волк аккуратно сложил бумаги:

– Предложение заманчивое. – Он взвесил пачку на ладони и не спеша разорвал на несколько кусочков. – Но я не собираюсь ничего продавать.

– Ты че наделал, козел, – в панике заорал «кожаный», – это ж документ, он же уже зарегистрированный, я ж тебе сейчас... – Он повернулся к «качкам»: – А ну... – и замер, услышав хруст стекла.

Волк взял граненый стакан и спокойно раздавил его до состояния песка. Стряхнув с ладони крошки, он поднял глаза на «кожаного». Тот съежился под его взглядом.

– Пора подумать о возмещении убытков, – Волк широким жестом обвел окружавший их разгром, – не можем же мы работать в таких условиях.

– А я че... я-то при чем? – забормотал «кожаный». – Мне сказали, я и делал.

– Да, я думаю, этот вопрос действительно стоит решить с вашим руководством. – Волк вздохнул. – Впрочем, кое-какие проблемы мы можем начать решать и сейчас. – И он выразительно посмотрел на «кожаного».

Тот, покрывшись бисеринками пота, выудил из кармана портмоне и трясущимися пальцами стал шарить внутри. Волк опять деланно тяжело вздохнул и выдернул портмоне из скрюченных пальцев. И поглядел на троих «качков», двое судорожно стали опорожнять карманы, а третий, видимо самый тупой, удивленно уставился на них:

– Вы че, братва?

Волк вновь позволил зверю высунуться. «Качок» рухнул на колени и, закрыв руками голову, взвизгнул.

На всех оказалось около пяти тысяч «баксов». Волк небрежно бросил их на стол и сказал:

– Подождите в машине.

Когда за посетителями закрылась дверь, Волк повернулся к Сергею Евгеньевичу. Тот сидел на полу и улыбался. Волк опустился рядом с ним и виновато проговорил:

– Простите меня, я должен был раньше появиться.

Сергей Евгеньевич продолжал улыбаться:

– Слава богу, что вы здесь. За эти полтора года тут такое... – Он всхлипнул. – Да ладно, чего уж там, теперь все пойдет хорошо, главное, живы все, а то я уж думал... – Он протянул руку и сжал Волку запястье. – Я вижу, вы изменились, но все-таки, может, не стоит... – Он кивнул на дверь.

Волк отрицательно покачал головой:

– Проблема, не решенная окончательно, имеет свойство всплывать в самый неподходящий момент.

– Я понимаю, – сказал Сергей Евгеньевич, – просто страшно... Ну, Бог вам в помощь.

Волк усмехнулся:

– И не один.

## 7

Пока он разговаривал с Сергеем Евгеньевичем, «кожаный» успел позвонить, поэтому, когда они подъехали к многоэтажному зданию, у входа их встретили двое, явно другого уровня. Они были подчеркнуто вежливы, но в каждом движении сквозила настороженность. Волк бесстрастно позволил себя обыскать. Когда они поднялись на нужный этаж и подошли к двери кабинета, Волк вдруг ощутил странную уверенность, что за дверью находится кто-то, уже однажды повстречавшийся ему в жизни. Поэтому, увидев хозяина кабинета, он спокойно прошел внутрь и уселся в удобное кресло. Хозяин выдержал паузу, потом таким светским тоном спросил:

– Чем могу быть полезен?

Волк, отвергая правила игры, тут же взял быка за рога:

– Вы решили повторить проверку?

Человек, сидящий за столом, несколько мгновений рассматривал его в упор.

– Вы стали немного более проницательны, Иван Сергеевич, – заметил он.

Волк чуть наклонил голову, как бы благодаря за комплимент, но взгляд, который он бросил на собеседника, был так же далек от благодарности, как милая улыбка от волчьего оскала. Его собеседник держал паузу сколько было возможно, но в конце концов не выдержал:

– Итак, что я могу для вас сделать?

Волк слегка скривил губы в некоем подобии улыбки и продолжал молчать. Из кресла в углу кабинета поднялся старый акулоподобный знакомый и скользящим шагом двинулся к Волку. Зверь внутри зарычал, предвкушая схватку, но хозяин кабинета вдруг негромко сказал:

– Остановись.

«Акула» замер, полуобернувшись к хозяину.

– Сейчас он тебе не по зубам.

«Акула» внимательно всмотрелся в Волка и ретировался к своему креслу.

– Вы сильно изменились, Иван Сергеевич, – протянул хозяин.

Волк продолжал молчать.

– Ну, скажем, пятьсот тысяч.

У Волка за спиной кто-то охнул. Волк чуть расслабился:

– Немедленно?

Хозяин улыбнулся:

– У вас ведь проблемы, Иван Сергеевич?

Волк молча смотрел на собеседника. Тот понимающе кивнул:

– Скажем, через неделю.

Волк согласно приопустил веки:

– Хорошо. Только я хочу еще моральную компенсацию.

Хозяин вскинул брови:

– Я считал, что в эту сумму входит все.

– Нет.

Хозяин кабинета спокойно произнес:

– В таком случае я тоже вынужден сказать – нет.

– Нет? – Волк якобы удивленно вскинул руки. – А вы не боитесь, что я откажусь от денег?

– Поймите, я – лидер. – В голосе собеседника появились увещательные нотки. – Я папа и мама, я предлагаю вам деньги, но своих людей я вам не дам. Они делали работу, за которую получали деньги.

Волк саркастически глянул на хозяина:

– Значит, ваш отказ также вызван моральными соображениями. – Он иронично улыбнулся. – Что ж, я могу это понять. В таком случае будем считать это одной из *моих* проблем, кстати, с вас четыреста девяносто пять, пять тысяч мне уже возместили ваши люди. – И он вышел из кабинета.

Едва за посетителем закрылась дверь, «акула» впери в хозяина вопросительный взгляд. Хозяин поднялся, подошел к бару, вытащил бутылку «Самус», плеснул на доньшко рюмки, выпил и только после этого повернулся к «акуле»:

– Он опасен.

«Акула» фыркнул.

– Он опаснее всех, с кем нам довелось столкнуться до сего дня, вместе взятых.

«Акула» нахмурился. Он привык доверять умению хозяина разбираться в людях. До сих пор он не мог припомнить ни одной его ошибки. И все-таки сегодняшний разговор поставил его в тупик. Шеф всегда получал то, что хотел. А тут за здорово живешь отказаться от уже практически своего, да еще отдать пол-лимона долларов, как-то странно...

– Он же на крючке?

Хозяин покачал головой:

– Это не важно. Если я его правильно просчитал, это для него не проблема. И даже не мелкое неудобство.

– Что же в нем такого страшного?

Хозяин плеснул себе еще коньяку, глотнул и задумчиво облизал губы:

– Не знаю. Но узнаю.

– Ладно, может, старый онанист со своими сексуальными маньяками его шлепнет.  
– Вряд ли, не стоит надеяться на такую удачу. Станислав Владимирович – наша пузырьковая камера.

– Чего?

Хозяин терпеливо разъяснил:

– Для изучения ядерных излучений используется трековый детектор, пролетая через который заряженная частица оставляет след. Его называют пузырьковой камерой. По длине, форме и другим параметрам следа о частице можно узнать множество интересных вещей. – Он сделал глоток и добавил с задумчивой улыбкой: – Я когда-то занимался этими вещами.

Зазвонил телефон. Хозяин снял трубку, нахмурился, потом раздраженно швырнул ее на аппарат.

– Давай на третий этаж, наш посетитель завернул к нашему «мясу».

– Мне с ним разобраться? – с сомнением в голосе спросил «акула».

– Он уже ушел, просто уточни подробности.

«Акула» вернулся через двадцать минут. Он мрачно вошел в кабинет, подошел к бару, зло дернул дверцу, налил полный стакан коньяку, залпом выпил, затем повернулся к хозяину:

– Прошу прощения, нервы. – Он утер рот и продолжил: – Шестнадцать человек, у каждого сломаны... да какого черта, раздавлены в песок локтевые суставы обеих рук и коленные чашечки. – Он несколько мгновений помолчал. – Черт возьми, там было двадцать семь человек, а он один... И ведь изуродовал только тех, кто работал в его заведениях. Как он узнал?.. Слушайте, шеф, а ваши пузырьковые камеры в процессе исследования тоже разносили вдребезги?

## 8

Выйдя из офиса, Волк спустился в метро и с ближайшего телефонного автомата позвонил в РУОП. Прикрыв трубку рукой, он негромко сказал:

– Его сдали.

В трубке помолчали, переваривая информацию, потом откликнулись:

– Нет предположений – почему?

– Они хотят посмотреть, на что я способен.

– Ну, мы не доставим им такого удовольствия.

– Нет. – Волк вложил в это короткое слово максимум отрицания.

– Почему?

– Вам не позволят его коснуться. Вспомните, с чем вы столкнулись полтора года назад, сейчас будет еще хуже.

В трубке опять помолчали, обдумывая, затем неуверенно сказали:

– Ну, с вашими материалами...

– А что говорят ваши предчувствия, Сергей Петрович?

Собеседник вздохнул:

– И что же вы предлагаете?

– Они хотят меня, они меня и получают.

– Хорошо, но один вы не пойдете.

– Договорились. Сейчас я подскочу туда, осмотрюсь, а завтра...

– Тогда сегодня вечером, скажем, часиков в девять, у Ольги. – И собеседник повесил трубку.

Волк огляделся по сторонам, прислушался к своим ощущениям и направился к небольшому скверу с детской площадкой. Площадка была пуста, на единственной скамеечке дремал старичок, накрывшись газетой. Волк присел на краешек скамейки, снял ботинки, носки и

опустил босые ноги на теплый песочек. Земля была снулая, отравленная, задавленная асфальтом и отзывалась еле-еле. Волк подумал было проскочить до Сокольников, но потом вздохнул и, поднявшись с лавки, шагнул к старой липе. Через пару десятков шагов он вынырнул в небольшом скверике за два квартала от своей цели. Волк нахмурился, попробовал еще раз, с трудом продрался сквозь два сросшихся дубка и оказался во дворе какого-то дома. Что-то было не так. Он присел на бордюр, надел ботинки и двинулся к выходу со двора. Вдруг в затылок повеяло смертью. Волк торопливо «отвел глаза» и шагнул в сторону. За спиной что-то хлопнуло, и в стену перед ним со звучным шлепком вошла пуля. Волк бросился вперед и нырнул в подъезд. Следующая пуля навывлет прошила обе двери и звонко дзинькнула о ступеньки. Волк осторожно поднялся на несколько ступенек и присел. Его ждали. Кто-то приготовил ему ловушку, кто-то, имеющий некоторое представление о том, на что он способен. И она едва не сработала. Волк неслышной тенью скользнул вверх по лестнице. Выскочив на чердак, он подобрался к открытому окошку и, присев у окна, прикрыл глаза. То, что он собирался сделать, было доступно, как правило, только уровню старейшин, а Волк пока числился в отроках. Впрочем, какая разница? Как говаривал Сыч: «Человек может все, что захочет». Волк глубоко задышал, насыщая кровь кислородом, и забормотал наговор. Через некоторое время тьму под плотно прикрытыми веками прорезали размытые тусклые искорки. Зеленые, синие, красные, фиолетовые. Одни стояли на месте, другие двигались, россыпи искорок будто текли по каким-то руслам, через несколько мгновений Волк понял, что это – улицы. И среди всего этого разнообразия мерцали несколько десятков желтых искорок. Половина бурлила метрах в трехстах на востоке, особняк располагался как раз там. Остальные группировались по три-четыре по всему району. Может быть, и не все они принадлежали его врагам, но по какой еще причине вокруг оказалось несколько десятков сильно возбужденных и напуганных людей? Волк зафиксировал их положение и открыл глаза. Его прошиб пот, голова немного кружилась. Посидев несколько минут, Волк торопливо пробормотал: «Недоброму люду очи отведу» – и осторожно высунулся из окошка. Заходящее солнце сквозь фильтр облаков залило крыши красным светом. Волк старательно сориентировал желтые искорки, запоминая дома, окна квартир, чердаки и подвалы. Потом опять снял ботинки и спустился по лестнице. Пока он пересекал двор, по нему выстрелили еще три раза, последняя пуля содрала кору с дубка прямо у щеки. Разозленный промахами снайпер наплевал на прицел и начал бить навскидку, по ощущению. А значит, мог и попасть.

Волк вынырнул в Сокольниках. После такого переплета следовало немного отдышаться. Он залез поглубже в заросли, оградил себя от нескромных взглядов и, раздевшись, улегся на спину: затылок, спина, плечи, ладони, ягодицы плотно прижаты к земле. Через несколько мгновений он почувствовал, как проходит напряжение, окаменелые мышцы расслабляются и наливаются силой, голова становится свежей и ясной. Полежав еще несколько минут, Волк оделся и легкой, пружинистой походкой вышел из парка. До намеченного времени оставалась еще пара часов, и он решил разобраться с Сявой.

Сявино заведение являло полный контраст с разгромом, царившим у Сергея Евгеньевича. Волк покачал головой и, не заходя внутрь, прошелся до ближайшего автомата. Когда в трубке раздался охрипший и усталый голос Сергея Евгеньевича, у Волка защемило сердце.

– Добрый день, Сергей Евгеньевич. Наша основная проблема решена. Нам приносят извинения, выплачивают компенсацию и оставляют в покое.

– Слава богу. – Интонация выдавала больше облегчение, чем радость или удивление.

Волк продолжил:

– Я на Герцена, наш коллега, по-видимому, процветает.

В трубке виновато помолчали.

– Простите, Иван Сергеевич, как только вы пропали, с ним начались проблемы, а потом мне было не до этого.

– Бог с вами, Сергей Евгеньевич, как я могу даже думать о том, что вы в чем-то виноваты? Вопрос в другом. На Герцена нужен новый управляющий, у вас есть кто на примете?

– Секундочку. – На том конце провода с кем-то советовались. – Тут у меня Вадим, я всем сообщил, что вы вернулись, так что у нас полная, так сказать, коробочка, ждали, что вы заедете. Ну так вот, у него шефом очень разумный парнишка, Вадим говорит, что может оставить его за себя, а на Герцена заняться сам. Ну, в общем, будет время, обговорим поподробнее.

– Времени нет, жду вас на Герцена.

– Но...

– Пока вы едете, я постараюсь решить все проблемы.

Когда Волк подошел к двери с броской вывеской «Ресторан „Пентхаус“», угрюмый мордорот буркнул сквозь зубы:

– Обслуживание.

Волк, не останавливаясь, хлопнул его ладонью по лбу, и вышибала осел с закатившимися глазами. Войдя внутрь, Волк огляделся. Обилие обнаженного женского тела в соблазнительных позах резало глаза. Фотографии, коллажи. Лежа, стоя, сидя, в полный рост и кусками, а в середине зала подиум с мачтами. У самого подиума, на котором выгибалась пара блондинок, сидела компашка человек в пятнадцать и лениво жевала. Волк двинулся через зал. Сява, сидевший прямо напротив входа, поднял глаза и побледнел. Волк растянул губы в улыбке:

– Добрый день.

Сидевший во главе стола лоб равнодушно спросил:

– Это кто еще?

– Я хозяин этого заведения. Позвольте узнать, кто вы?

Лоб повернулся к Сяве:

– Эй, чмо, а кто же ты?

Сяву прошиб пот. Лоб рассматривал его несколько мгновений, потом вновь повернулся к Волку:

– Ну что ж, хозяин, садись. У него сегодня «субботник».

Волк остался стоять. Лоб нахмурился, а Волк, игнорируя его раздраженный взгляд, обратился к Сяве:

– Что ты сотворил с моей столовой?

Один из крутых оторвал взгляд от извивающихся девочек:

– А что, полный класс.

Лоб рявкнул:

– Заткнись. – И опять обратился к Волку: – Слушай, ты, падаль, когда я говорю – надо делать, а то в шесть секунд станешь бывшим, и не только хозяином, но и живым.

Вся компания развернулась к Волку, он уловил в их глазах предвкушение развлечения покруче, чем девочки. Усмехнувшись про себя, он четко произнес:

– И что за дерьмо сюда ходит? – Он сделал паузу и в полной тишине закончил: – Ты уволен.

– Ну козел! – Лоб начал подниматься из-за стола.

Волк легким движением подхватил со стола массивное ведро со льдом и бутылкой шампанского и, зажав его между ладонями, раздавил все разом. И позволил заворочавшемуся внутри себя зверю выглянуть через свои зрачки. Лоб рухнул на стул. Волк медленно провел взглядом по всей компании и, отвернувшись от оцепеневшего стада, негромко сказал:

– Брысь.

Крутые осторожно выбрались из-за стола, стараясь ни единым движением не навлечь на себя его взгляд, и чуть ли не на цыпочках покинули зал. У Сявы не хватило сил даже встать со стула. Волк загнал зверя поглубже и спокойно посмотрел на Сяву:

– Я не хочу марать об тебя руки, но если я хотя бы краем глаза...

Сява судорожно всхлипнул. Волк демонстративно вскинул руку и посмотрел на часы:

– Семь секунд, время пошло.

Сява рванул к двери, сшибая столы и стулья.

Когда за ним захлопнулась дверь, Волк опустился на стул и обратился к девицам:

– Что-нибудь кроме этого умеете делать?

Они молча, испуганно смотрели на него. Наконец одна набралась смелости и ответила:

– Мы ж не от хорошей жизни. Если Лосю перечить, он звереет.

Волк хмыкнул:

– Ладно, Лось – моя проблема, сейчас подойдет ваш новый заведующий, с ним пообщаетесь.

Девушки переглянулись, потом та, что посмелее, сказала:

– Лось вам этого никогда не простит.

Волк усмехнулся:

– Пусть Бог простит. – Потом посуровел и задумчиво добавил: – А коль нет – и Лосю и ему рога обломаем.

## 9

Вечером собрались уже впятером. Сергей Петрович привел какого-то худого высокого мужчину с лицом профессионального язвенника.

– Познакомьтесь, Лушин Петр Алексеевич, он ведет ваше дело.

Лушин удивленно посмотрел на Волка, в его глазах мелькнуло узнавание, и он затравленно огляделся. В этот момент вошел Баргин.

– Ба, Алексеич, и ты здесь, ну дела крутые.

Лушин в полном изумлении воззрился на коллегу.

– Что, уважаемый, оторопь берет? Ничего, втянешься. Раз дело Иван Сергеича на тебя повесили – привыкай, у него талант на неприятности. Ну да ладно, позже поговорим, тебе, я вижу, еще в курс дела войти надо. – Он улыбнулся Сергею Петровичу: – Что ж тезке все не объяснил?

Тот фыркнул:

– Ну а как ты себе это представляешь? Пойдем пообщаемся с беглым убийцей, который, оказывается, ниоткуда не сбежал и совсем не убийца.

Лушин непонимающе переводил взгляд с одного на другого.

– Ладно, Алексеич, вопросы потом, пусть Иван Сергеич информацией поделится, я слышал, что он накопал нечто многообещающее.

После того как Волк подробно описал события дня, в комнате воцарилась тишина. Все молчали, ошеломленно переваривая информацию.

Сергей Петрович шумно выдохнул и спросил:

– Насколько точно вы можете локализовать места их расположения?

– Я ведь засек только сознания, возбужденные определенным образом, так что какая-то часть может не иметь к этому отношения. Обычные люди, просто чем-то напуганные в тот момент. Но локализовать их расположение на то время я могу достаточно точно.

– Как?

– Дом, этаж, квартиру или комнату, вероятно, даже точку в комнате.

Сергей Петрович поднялся и грузно, будто придавленный непомерной тяжестью, подошел к телефону. Взгляды присутствующих уперлись ему в затылок. Сергей Петрович снял трубку и, помедлив несколько мгновений, набрал номер.

– Это Лобников, соедините с начальником...

Пока он ждал ответа, Баргин негромко спросил:

– Не рано ли лошадей гонишь, Петрович?

Тот покачал головой и, кивнув в сторону Волка, ответил:

– Либо я ему верю, либо... – Он вздохнул. – А если верю... ты понимаешь, что он сказал?

Группировка профессионалов, вооруженная специальным оружием, в Москве...

В этот момент в трубке ответили. Сергей Петрович весь подобрался и ровным, спокойным голосом произнес:

– Алексей Кузьмич, имею информацию о нахождении в Москве группировки числом около сотни человек, вооруженной специальным и предположительно автоматическим оружием... Да... Нет, я не в управлении... Да, конечно, адрес оставил... Есть. – Он положил трубку и повернулся к Волку: – Идем ва-банк. За нами выслали машину.

Волк усмехнулся:

– Вы полагаете, что вам поверят, когда узнают источник информации?

– Едем мы с Баргиным. Вам действительно не стоит светиться. Введите Лушина в курс дела и ждите нас, а пока нарисуйте схему хотя бы по нескольким точкам.

Они вернулись через три часа вместе с двумя офицерами в камуфляже. Сергей Петрович обвел всех тяжелым взглядом и глухо произнес:

– Все подтвердилось.

В половине третьего ночи Лушин, все это время разбиравшийся в собранных Баргиным материалах, зашел в комнату, где Волк и Сергей Петрович с собровцами корпели над схемой засеченных Волком снайперских постов. Волк обернулся к нему. Лушин озабоченно покачал головой:

– Да, Иван Сергеевич, умеете же вы вляпаться. – Он помолчал, хмуря лоб, затем продолжил: – Надо хорошенько обмозговать, как это все оформить. Ну а начнем с явки с повинной и изменении меры пресечения в связи со вновь открывшимися обстоятельствами. По моему делу вы все еще в бегах и никто никогда вас не ловил. – Он повернулся к Ольге: – А вашего мужа я немедленно затребую в Москву. Так что, даст бог, скоро увидите.

Он с некоторым колебанием протянул руку Волку:

– Жду вас завтра у себя.

Волк пожал руку, и Лушин, попрощавшись, вышел. Баргин проводил его взглядом и усмехнулся:

– У Алексеича голова кругом. Вообще-то он трусоват, но законник ярый. Так что как вашу кассетку и мои бумажки посмотрел, аж зубами заскрипел от возмущения. Ну, что решили?

Сергей Петрович пригладил рукой волосы:

– Я думаю, Иван Сергеевич, вам туда соваться не с руки. Если вы не ошиблись, мы там столько накопаем, что на три суда хватит.

Волк устало пожал плечами. И тут зазвонил телефон. Ольга суматошно вскочила и побежала к телефону.

– Алло... Я слушаю... Кого?.. – Она удивленно посмотрела на Волка. – А с чего вы взяли...

Волк вдруг почувствовал, как у него волосы встали дыбом, а зверь внутри злобно ощерился. Он шагнул к Ольге:

– Дай.

Ольга испуганно протянула трубку.

– Иван Сергеевич, – довольно произнес знакомый голос, – давненько не виделись. А знаете, вас тут ждут. – В трубке послышался глухой удар, вскрик, и голос мамы Тани со всхлипом произнес:

– Ванечка...

Когда Лушин поднял с пола телефонную трубку и положил ее на рычаг, Ольга с глухим стоном опустилась в кресло:

– Господи, если ты есть, не дай ему погибнуть!

А Сергей Петрович, потирая шею, только начавшую отцепенения, и припомнив животный страх, охвативший всех, когда Иван, отшвырнув трубку, скользнул к выходу, хмуро покачал головой и пробормотал себе под нос:

– Дай бог, чтобы там хоть что-то осталось.

## 10

Волк вынырнул в двух кварталах от особняка. Он был абсолютно наг. Все его существо захлестывали волны ярости. Кровавый туман, застилавший глаза, ушел. Зверь радостно ревел. Вены, казалось, лопались от адреналина. У левой ноги бесшумно вырос серый брат. Волк ласково провел рукой по лохматому загривку и тронулся с места. Они бежали посередине дороги. Машин не было. Ярко горели фонари. Небольшая молодежная компания, оккупировавшая остановку, безуспешно пыталась рассмотреть, откуда раздается легкое шлепанье босых ног. По небу, заслоняя звезды, неслись низкие, тяжелые тучи. Волк мельком бросил взгляд вверх, где-то на задворках сознания промелькнул куцый вопрос: «Сыч, что ли?..» – и тут же угас без ответа.

Стрелять начали, когда они выбежали на прямой участок, ведущий прямо к особняку. В ночной тишине выстрелы, даже с глушителем, звучали особенно резко. Однако когда они подбежали к воротам, в отдалении загрохотало. Стрелять перестали. Стало слишком темно, да и пули со стороны города теперь летели в особняк. Из особняка пока не раздалось ни одного выстрела, но Волк чувствовал, как из-за мрачных стен несет злобой и страхом. Он остановился и протянул руку. Ладонь закололо, ограда была под током. Волк зло улыбнулся. Этим они хотели его остановить? Он пробежал вдоль забора до угла и выскочил к новым воротам, перекрывавшим широкую лестницу. Подойдя вплотную к решетке, он на несколько мгновений снял наговор и почувствовал, как в него уперлись десятки глаз. Волк позволил зверю послать внутрь особняка свой беззвучный, но от этого еще более страшный рев, почувствовал взрыв страха внутри каменных стен и наложил ладони на решетку. Между кистями рук полыхнуло, вспыхнула искрящаяся дуга. Волк хрипло захохотал и вырвал решетку. Искры потухли. Отброшенная воротина загрохотала по ступеням, а Волк кинулся вверх по лестнице. И тут особняк будто взорвался. По нему било не менее полусотни стволов. Волк подкатился под ступень и изо всех сил напряг туманную сеть наговора. По ступеням визжала дробь и картечь, грохотали «калашниковы», а пару раз он узнал резкий выстрел «подствольника». Волк довольно зарычал, подобный огонь означал только одно – панику. Когда стрелки опустошили магазины, Волк рывком вскочил на ноги, скинул наговор и, бросив в ночное небо, с которого упали первые капли дождя, полный ярости вой, рванул вверх по ступеням.

Его ждали. Широкая парадная дверь была не заперта. Волк явственно ощущал десяток дул, направленных на еще закрытые створки, и напряженные глаза за прорезями прицелов. Зверь довольно рыкнул и потащил его за собой. Волк разбежался и ударом ноги вышиб раму окна, расположенного слева от двери. Тяжелый стальной блок не успел коснуться пола, как по опустевшему проему с грохотом хлестнули горячие струи очередей. Волк молнией проскользнул к еще одному проему и ударил по раме. Примолкшие было стволы заговорили с новой силой, по прочному пуленепробиваемому стеклу зазмеились трещины. Но в выбитом окне мелькнула серая стрела. Очереди отвернули от окна, внутри дождем полетела штукатурка. Зверь радостно заревел, и Волк, не успев осознать происходящее, очутился в каком-то кровавом месиве. Рядом рычал серый брат. Через некоторое время все было кончено. Волк вдохнул расширившимися ноздрями густо висящий в вестибюле запах крови и страха и остановился,

осматриваясь. Стены были густо забрызганы кровью, на полу валялось около дюжины истерзанных кусков мяса. На мгновение он почувствовал тошноту, но зверь довольно заурчал, и все прошло. Серый брат мелькнул на верхушке широкой лестницы. Дом был полон теплой, свежей крови. Хорош-шо! Зверь, заполнивший его существо, подобрался и потянулся вверх по лестнице, туда, где ждала и тряслась от страха парализованная животным ужасом, но от этого еще более аппетитная плоть. Но какая-то мысль мешала, останавливала. Зверь вскипел, волнами разливая раздражение. Но запрятанное глубоко внутрь воспоминание о чем-то важном, о том, из-за чего он здесь, не давало сдвинуться с места. Серый брат послал призыв, полный восторга, и Волк ощутил, что неутолимая ярость и желание зверя смывают все его сомнения.

Вверху располагалась небольшая анфилада комнат. Волк перешагнул два скрюченных трупа с порванным горлом и бросился к полуоткрытым дверям, за которыми слышались выстрелы и крики ужаса. Когда-то здесь был конференц-зал, но сейчас помещение на высоту пяти метров было обшито металлическими панелями. На полу валялись без движения еще трое, а некто, визжа, как закалываемая свинья, забился в угол. Серый брат полосовал на волокна выставленные вперед окровавленные культы рук. А в дальнем конце зала за толстой стеклянной стеной стоял человек и спокойно смотрел на происходящее. Заметив Волка, он широко улыбнулся, и под сводами здания гулко зазвучал его голос, усиленный динамиками:

– Наконец-то, Иван Сергеевич, милости прошу, давно ждем.

Волк почувствовал, как его захлестнула волна звериной ярости, и бросился вперед. Его удар был страшен. Стена загудела и дрогнула так, что человек за ней испуганно отшатнулся, но устояла. Волк отскочил назад и послал вперед себя, за эту стену тугой комком звериной злобы. Человек за стеной рухнул на колени и прохрипел:

– Газ, быстрее...

Волка пронзило острое чувство опасности. Он резко оглянулся. Входной проем, до этого закрывавшийся дверью, сейчас был перекрыт монолитной стальной плитой. Под потолком раздалось шипение. Он развернулся к стене. Его враг уже поднялся. Во взгляде его сверкало торжество.

– Вот и все, Иван Сергеевич. Я не сомневаюсь, что, будь у вас время, вы проломили бы и эту стенку. Но его нет. Это хлор. Вы труп. Но у меня для вас несколько подарков. Тяжело умирать без единого родного лица рядом. Итак, это первый.

Он сдернул покрывало с какой-то кучи в углу комнаты. Это оказался Петрович. Он был раздет. Лицо, грудь, живот, ноги покрывали жуткие синие кровоподтеки. А на полу вокруг головы, как черный нимб, виднелась почерневшая лужа свернувшейся крови.

– Он был настолько глуп, что пытался сопротивляться, – смеясь, произнес Станислав Владимирович. – Но это еще не все. – Он кивнул кому-то в стороне. – Следующий подарок мы переправим прямо к вам.

Вверху открылся люк, и вниз полетела сухенькая фигурка мамы Тани. Зверь недоуменно взвыл, смытый волной боли. Волк бросился к падающей фигурке и поймал ее на руки. Мама Таня широко раскрыла полные боли глаза и, прошептав «Ванечка», беззвучно заплакала. Хлор жег глаза и обжигал легкие. Волк отчаянно огляделся, серый брат надсадно кашлял и катался по полу, лупя лапами по морде. Волк почувствовал, как в нем вдруг поднялась волна ярости, не той звериной, какую он ощущал все это время, а какой-то леденящей и одновременно искрящейся, готовой смести все эти глухие стены, и, прижав к груди худенькое тельце, двинулся к стене. В динамике послышались удивленные голоса, кто-то заорал:

– Он же должен быть уже трупом. У него же легкие сожжены.

Но тут Волк достиг стены и ударил. Удар выбил в стене огромный кусок, который рухнул внутрь помещения. Волк, не останавливаясь, пролетел комнату, которую начал заполнять газ, и пробежал несколько дверей. Мама Таня хрипло дышала. Волк подскочил к какому-то дивану и осторожно положил ее на подушки. За спиной послышался какой-то звук. Волк развернулся

и увидел четырех человек. На каждом была кобура, но ни один не сделал попытки достать оружие. Они смотрели на него, и в их глазах стоял ужас. Мама Таня как-то странно вскрикнула и обмякла. Волк суетливо попытался нащупать пульс, его не было. Тогда он опустился на колени и прижал ее седенькую голову к своей груди. Скрипнула дверь. Послышались чьи-то шаги, и негромкий голос произнес:

– Давайте закончим с этим.

Волк медленно повернул голову. Посреди комнаты стоял Станислав Владимирович. И хотя в руках у него был «узи», в глазах застыла безысходность. Волк бережно опустил голову мамы Тани на подушки и встал перед своим врагом:

– А ведь вы почти победили.

В глазах Станислава Владимировича на какое-то мгновение вспыхнуло удивление, но они сразу снова потухли.

– Победить «почти» нельзя.

Волк покачал головой:

– Если бы ты был чуть-чуть милосерднее, ты смог бы меня убить. – И добавил: – Нет, не физически, моего зверя не смогло бы ничто остановить. Вы все стали бы трупами. Но я... Я стал бы зверем.

Станислав Владимирович зло ощерился:

– Ах, какой нравственный человек. Вернись в вестибюль, нравственный, и посмотри на дело рук своих, хотя зачем, сейчас здесь будет то же самое.

Волк холодно смотрел на него, потом разлепил побелевшие губы:

– Нет. Путь Перуна – бой, смерть. Он получил тризну. Вам идти другим путем. – Он вскинул голову. – Путь Рода – воздаяние, получите же, что заслужили.

Все стоящие в комнате и разбежавшиеся по особняку и по двору и выскочившие на улицу, прямо в объятия подоспевших соборовцев, вдруг ощутили, как все, что было злого в их жизни, вся боль их жертв, все предательства и злоба страшной, тяжелой тучей опускаются на их души. Станислав Владимирович почувствовал, как от невероятной тяжести задрожали ноги. Послышался отчаянный крик, звон стекла, и чье-то тело рухнуло вниз головой. Станислав Владимирович поднял дрожащие веки и увидел, как Константин с округлившимися от ужаса глазами сует себе в рот дуло «стечкина». Он поспешно закрыл глаза. Раздался выстрел, еще несколько, совсем рядом и дальше во дворе. Потом все заполнили десятки девичьих глаз, и он почувствовал, что не сможет выдержать эти взгляды. Он торопливо поднес дуло к виску и нажал на спусковой крючок. Последним, что он ощутил, было удивление – насколько легко сработал тренированный палец.

## Эпилог

Когда Сыч появился из-за знакомой ели, дед Изя сидел на скамеечке и плел корзину. Бросив взгляд на подошедшего Сыча, он буркнул:

– С утра жду.

Сыч присел и вытянул ноги. Помолчав, спросил:

– По вечерам кости-то не ломит? Прохладно, чай. Осень.

Дед Изя хмыкнул. Сплел еще один ряд и, отставив незаконченную корзину в сторону, сказал:

– Ладно, не темни. Гостей ждешь?

Тот усмехнулся и кивнул в сторону ели:

– Аккурат этих.

Дед Изя резво повернулся. От забора, широко улыбаясь, шел Волк. А за ним, озираясь, выходили на поляну три крепких парня и две девушки.

– Ну что, мудрейшие, как говорил мой старшина, пополнение прибыло.

Дед Изя широко улыбнулся Сычу:

– Ну что, волхв, на этот раз, похоже, все получилось. Воплотилось пророчество-то. Сколько раз тебя из-за ошибок убивали? Пять? А ныне все путем. Может, помрешь наконец?

Страдалец. Сколько уж по земле бродишь?

Волк, подойдя, обнял обоих:

– Это кто тут помирать собрался? Сейчас мы только жить начинаем.

Сыч пошел в дом. Волк удивленно проводил его взглядом:

– Я что-то не то сказал?

Дед Изя покачал головой:

– Нет, просто он устал. Мы-то с тобой устать не успеем. А он... уж и верить перестал, что его срок подойдет, хоть наперед знал, что все, что он узнал, свершится.

– Так это его пророчество было?

– Почитай так, с его помощью сделано и ему сказано.

– Но как?.. Мне ж сказали, что оно древнее. Да и не знал я, что он ясновидящий.

– Да знал. – Дед Изя махнул рукой и направился к дому. – О том все знали. Кто ж на Руси не слышал об Олеге Вещем.

## Книга вторая Схватка

### Часть I Партер

#### 1

Боец на экране сделал неуловимое движение, и его противник, мощный мулат с рельефной мускулатурой, вдруг будто вспух. В следующее мгновение из его горла хлынул фонтан крови, и он рухнул на ринг. Его противник медленно выпрямился и начал слизывать кровь с пальцев. Камера тут же, будто застеснявшись, отъехала назад. Сидевший перед экраном человек еле заметно кивнул, и по этому жесту второй, сидевший рядом, но несколько дальше от экрана, послушно выбросил вперед руку с пультом. Экран померк. Человек с пультом наклонился к уху сидевшего перед экраном и негромко произнес:

– Этот продержался дольше других. Сорок секунд.

Его собеседник как бы в раздумье спросил:

– Он всегда убивает?

– Да. Они пытались заставить его оставить соперника в живых. Ставили условия, по которым за живого он мог получить целое состояние. Но мне кажется, он не может себя контролировать. Когда они попытались его «поучить», он просто убил шестерых и ушел. Не спеша.

– Ну что ж, судя по всему, он настоящий. Я пока имею по *ним* недостаточно информации, но мне казалось, что показательные бои, тем более за деньги, противоречат их законам. Интересно, почему он это делает?

– Не знаю...

– Постарайся выяснить. – Первый задумался. – Если они действительно не могут контролировать боевые рефлексy во время схватки, значит, в отношении коммерческих боев они нам не помеха. Путь на арену им заказан.

Его собеседник улыбнулся, обнажив мелкие острые зубы, похожие на акулы:

– Во всяком случае, у нас есть этот. – Он кивнул на экран, потом льстиво улыбнулся: – Никогда не думал, что вам удастся провернуть дело с еженедельным показом боев на первом канале.

– Это все «национальная идея». – Первый криво усмехнулся. – С тех пор как президент накрутил хвосты нашим идеологам, на телевидение можно пропихнуть любую туфту. Лишь бы она имела исторические корни и работала на эту самую национальную идею. Хотя, конечно, и в этом случае потребовалось изрядно потрясти кошельком.

Оба негромко рассмеялись. «Акула» поднялся и, подойдя к видеодвойке, собрался вынуть кассету, но его остановила негромкая просьба:

– Прокрути-ка еще раз последний бой.

«Акула» отступил на шаг, чтобы хозяину было лучше видно, и нажал на кнопку. Они молча просмотрели все сорок секунд последней схватки. Хозяин некоторое время о чем-то размышлял, потом произнес:

– Ты был не прав. Это не мулат продержался сорок секунд, просто *ему* уже надоело.

«Акула» еще раз перемотал пленку и, когда изображение на экране исчезло, нахмурился.

– Ты что?

«Акула» тяжело вздохнул:

– Я подумал, что было бы со мной, если бы вы меня тогда не остановили?

Они помолчали несколько минут. «Акула» негромко выругался.

– Неужели не существует способа с этим справиться?

Хозяин холодно улыбнулся:

– Способ есть.

«Акула» живо обернулся к нему, всем своим видом выражая живейшее внимание.

– Не торопись, я его не знаю. – Хозяин умолк, но «акула» не шевелился, ожидая продолжения. – Но если бы его не было, то что заставило их столько веков быть изгоями в мире, который они могли бы подчинить себе? – Он задумчиво прищурил глаза и продолжил еще более тихо, будто разговаривая сам с собой: – Способ есть, и я все ближе к тому, чтобы найти его. Этот изгой поможет нам. Но не только и не столько своими мышцами или умением убивать, он откроет нам их сущность, научит, как нам оседлать их силу, а если нет...

«Акула» понимающе скривил губы в подобии улыбки:

– Мы убьем их всех.

Хозяин улыбнулся той улыбкой, какой улыбается взрослый, глядя на невинные шалости малыша:

– Нет, мы поступим по-другому, и на этот случай у нас есть большое преимущество перед нашими партнерами.

«Акула» удивленно посмотрел на хозяина. И это неподдельное удивление выглядело столь забавно на его хищном лице, что хозяин не выдержал и расхохотался:

– Ладно, Андрей, пошли. Невежливо заставлять ждать наших деловых партнеров. Они считают себя важными шишками, поэтому могут обидеться, если мы заставим их ждать слишком долго.

«Акула» рассмеялся, вытащил кассету, запер ее в сейф и догнал хозяина у самого лифта. Они поднялись на последний этаж и вышли в обширный холл с небольшим фонтаном и зарослями декоративных растений, среди которых в продуманном беспорядке были расставлены миниатюрные диванчики. В холле находилось несколько человек. В данную минуту большинство отдавало дань великолепным коктейлям, которые бесшумно разносили на подносах три симпатичные девчушки. Хозяин на несколько мгновений задержался на пороге. Его офис-менеджер, как обычно, был выше всяких похвал. Девушки были симпатичны, но их одежда и манера держаться не вызвали ни малейшего всплеска интимных желаний. Музыка из скрытых динамиков, журчание фонтанов, легкие, с минимумом алкоголя, коктейли, игра теней от небольших разноцветных светильников – все это создавало спокойную, доброжелательную и доверительную атмосферу. Хозяин мысленно улыбнулся. Каждое стадо требует своего пастбища. Завтра, когда «собеседниками» будут «новые хозяева жизни», цветы исчезнут, фонтан превратится в бассейн, а напитки, сейчас разносимые в коктейльных стаканах, будут стоять по бордюрам и постаментам, крича яркими этикетками, и разносить их будут дамы с ногами от зубов, с «воздушными шарами», гордо реющими над открытым пупком, и с похотливой улыбкой. Но сегодняшние гости были из другой категории. Хозяин шагнул вперед:

– Добрый день, прошу меня извинить. – Он склонил голову в легком поклоне. – Я надеюсь, что не очень рассердил вас своим небольшим опозданием.

Гости вежливо рассмеялись. Хозяин окинул каждого мимолетным, но внимательным взглядом и приглашающе повел рукой в сторону двустворчатой двери в дальнем конце холла:

– Прощу.

– Вы опять хотите нас удивить. – Дородный мужчина в дорогом темно-синем костюме небрежно отставил руку с бокалом в сторону. Возле него мгновенно оказалась девушка с подносом, и, когда мужчина разжал пальцы, бокал лишь тихонько звякнул. Это был картинный

жест, и все это поняли. Мужчина, обратив на себя внимание, энергично поднялся и направился к хозяину: – Я знаю, вы любите эффектные жесты.

– Ну что вы, господин Закрайский, – хозяин весело улыбнулся, – куда уж мне до вас.

Закрайский по-хозяйски ухватил его за локоток:

– Не прибедняйтесь, Константин Алексеевич, не прибедняйтесь. С вашим воображением и вашей мощной грех размениваться на обычную болтовню. – Он смачно рыгнул почти в нос хозяину и величественно двинулся к указанной двери.

Остальные гости поднимались со своих мест и пристраивались в кильватер. Хозяин пожимал руки, стараясь не реагировать на отблески злорадства, вспыхивающие в глазах гостей, и перебрасывался с проходящими вежливыми фразами. Закрайский был прекрасным актером. Публичное унижение было венцом подготовки к разговору, и сейчас у присутствующих не было никаких шансов выторговать у хозяина больше, чем позволит он сам. Но ей-же-ей, когда-нибудь Закрайский поплатится за то удовольствие, с которым он это проделал.

За дверями оказался высокий подиум, укрытый сверху высокой пирамидой из темно-синего, почти непрозрачного в сумраке зала стекла. Когда гости столпились вокруг подиума, хозяин нажал кнопку, и все замерли. Пирамида осветилась внутри, и на подиуме возник... сказочный дворец. Он чем-то напоминал деревянные терема и в то же время был современен. Воздушный стеклянный купол, башенки, крытые переходы. Первым, как обычно, опомнился Закрайский:

– Значит, это и есть ваш сюрприз? – Он полупрезрительно выпятил губу. – Ну что ж, надо признаться, этот игрушечный домик представлен вполне впечатляюще.

– Помолчите, Закрайский! – Крупный мужчина со слегка угадывающимся брюшком направился к хозяину. Перед ним мгновенно возникло свободное пространство. Помощник президента по делам культуры и спорта, Игорь Александрович Епишев, в свое время отказался от должности руководителя аппарата, но его влияние от подобного шага только усилилось. – Это, конечно, великолепный макет, но хотелось бы знать, что это такое?

– Припомните, господа, – голос хозяина был тих и даже печален, – полтора года назад, когда решался вопрос о еженедельных трансляциях боев Собора, восстановленного благодаря усилиям Порфирия Исаковича, – он уважительно кивнул в сторону мужчины с густой русой бородой, – я обещал, – он сделал паузу, подчеркивая весомость того, что сейчас произнесет, – что Собор станет самым популярным видом единоборств в мире. До этого, конечно, еще далеко, но, господин Яворский не даст соврать, – Яворский, продюсер первого канала, услышав свою фамилию, слегка кивнул, он был не из тех, кого можно застать врасплох, – наши программы уже закупили Финляндия, Израиль, Германия, Франция, Италия, идут переговоры с Би-би-си и двумя столпами телекоммуникаций из США. Мексиканцы и бразильцы согласились провести довольно выгодный обмен на свои сериалы. Сегодня можно сказать, что, как говорят в американском шоу-бизнесе, мы попали в струю. Мир устал от Востока, от мелькания азиатских глаз и скул на киноэкранах. Мы первые предложили замену этому, и мы выиграли, – его голос стал громче и торжественней, – сегодня я представляю вам Национальный центр боевых искусств.

Гости какое-то время молчали. Большинство представляло, сколько стоит подобное здание. Все знали, что их радушный хозяин очень богатый человек. Но настолько... Через несколько мгновений Епишев придвинулся вплотную к хозяину и с чувством произнес:

– Это грандиозно, Константин Алексеевич, я гарантирую этому проекту самую горячую поддержку президента.

Хозяин с благодарностью кивнул и поднял руки, требуя внимания:

– Прошу прощения, но это еще не все. – Он дождался, пока утихнет возбужденный говор. – Этот центр будет открыт ровно через полтора года, и на его коврах пройдет первый,

и полноценный, с участием национальных команд не менее ста стран, чемпионат мира по боевому единоборству «Собор Перуна»!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.